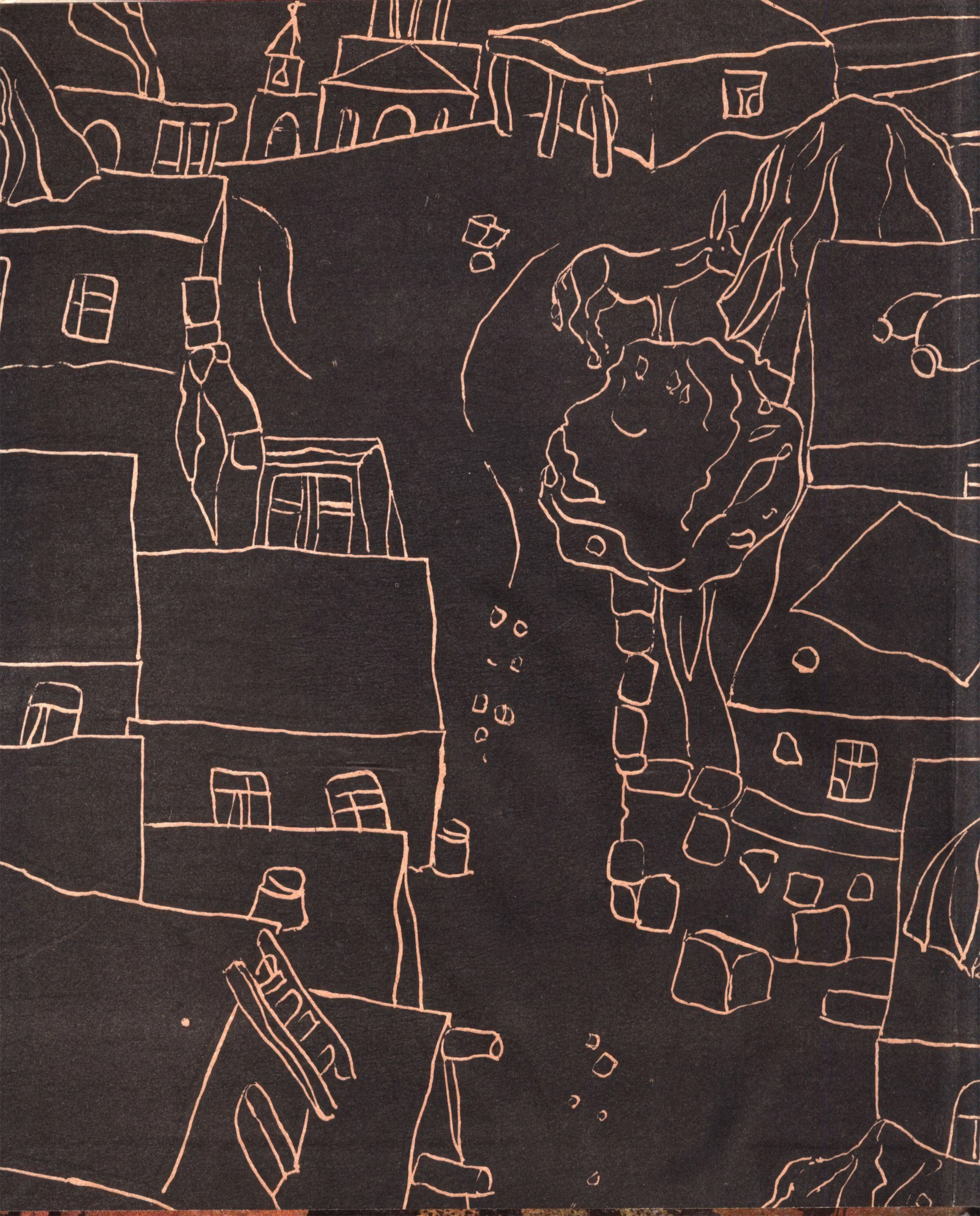

РАЧИЯ КОЧАР
НААПЕТ

ЕРЕВАН, «АРЕВИК»
1988

РАЧИЯ КОЧАР
НААПЕТ

Повесть

ББК 84Ар 7 — 4
К 755

Ст $\frac{84Ар}{К 755}$

Перевод с армянского САЛАХЯНА А. и БАЯНДУР А.

Кочар Р.
К 755 Наапет. Повесть: (Для ст. шк. возраста) / Рачия Кочар; (Пер. с арм. Салахяна А., Баяндур А.; Худ. Р. Бабаян). — Ер.: Аревик, 1988. — 96 с.

Рачия Кочар — один из ярких представителей армянской советской литературы. Его повесть «Наапет» была удостоена в 1967 году Государственной премии Армянской ССР.

Образ Наапета символизирует один из знаменательных этапов в судьбе армянского народа. Чудом спасшийся от преследований турецкого ятагана, потерявший семью Наапет после долгих лишений находит пристанище в Советской Армении, создает новую семью, новую жизнь.

$\frac{4702080201\ (75)}{707\ (01)\ 88}$ 130 — 88 ББК 84 Ар 7 — 4

ISBN 5 — 8077 — 0048 — 1

1

В этом селении на склоне Арагаца он появился в тысяча девятьсот двадцать первом году. Он пришел один. За плечами у него был мешок с нехитрыми пожитками, в руках — тяжелая сучковатая палка. Высокий, сухопарый, на вид лет пятидесяти. Черные глаза его из-за худобы казались огромными. Темные пропасти — не глаза. С первой же минуты всех удивил: уверенно, будто зная, куда идет, зашагал к ничьей, заброшенной лачуге на краю села. Никто не помнил и не знал, что здесь было раньше, но уж точно, что не тонир, не хлев и не давильня.

С этого дня неприглядная лачуга и новоявленный ее обитатель надолго стали загадкою для села. Каких только предположений не строили на его счет, одно хлеще другого! Но сколь разноречивы ни были они, пришелец не подтверждал и не опровергал их. Он не появлялся в селе, не сиживал с ровесниками и в поле работать не шел. А когда раздавали землю — и не подумал явиться к властям, чтобы получить какой-нибудь надел. Но хоть и не подавал он прошения, как все, — сельсовет отвел ему небольшой участок перед самой его лачугой.

—Одинокий, несчастный человек — сказали, — пусть хоть земля у него своя будет.

Нашелся кто-то, правда, и злобно бросил:

— Куда столько! Такому и двух с половиной аршина хватит!

Старики одернули неразумного:

— По-доброму рот разевай, дурень, думай, что городишь!

Прошла осень, настала зима, но она, так и не разлютовавшись ни разу, не остудив как следует ни землю, ни людей, уже близилась к концу, а окраинный этот житель так и жил у себя на отшибе, на люди не показываясь, в дела и разговоры села, в споры-ссоры-передряги не вмешиваясь. Молча проходил он мимо людей и, не умея спрятать от глаз людских долговязую свою фигуру, покорно отвешивал поклоны встречным. Иногда он исчезал из села, и никто не мог сказать, куда он каждый раз уходит. Он пропадал неделю-другую, потом кто-нибудь замечал, что из ердыка отторженного

домишки закурился тоненький голубоватый дымок, словно возвещая о возвращении хозяина.

— Тондир задымил, Наапет в свой караван-сарай воротился, — шутила молодежь.

Но все знали, что никакого тондира там и в помине не было. Откуда же этот дым?

— От табака, — рассуждали старики, — каждый день по мешку выкуривает...

Шуточки эти как-то само собой породили прозвище: пришельца все стали звать Тондир-Наапет. Конечно, величали так только в его отсутствие, то есть — всегда. Прозвище и вовсе закрепилось за ним, когда весной выяснилось, что Наапет вырыл-таки себе тондир посреди лачужки. А уж когда на участке у него появились побеги самого что ни на есть натурального табака — тогда все и впрямь возликовали. Итак, дымил тондир, поспевал табак для большущего кисета — кое-кому посчастливилось видеть этот кисет собственными глазами — стало быть во веки веков зваться Наапету — Тондир-Наапет.

Изредка он все же стал показываться на людях. Иногда по крайней нужде просил у соседей кое-какие инструменты, но все же нрава своего не менял — был не охоч до разговоров. Удивительно, что и крестьяне сторонились пришельца. За спиной его шутили сколько угодно, не упускали случая пройтись острым словцом, но стоило замаячить вдали его длинной фигуре, все тотчас замолкали, словно поперхнувшись.

Прошло немало времени со дня его появления в селе, но, как и в первый день, никто о нем ничего не знал. Толковали, впрочем, что родом он из ванских краев, из деревни Артамет, что потерял всю семью и, подобно другим беженцам, его долго носило по свету. Брел он, брел по свету, да и может случайно, а может и не случайно, набрел на это село у подножия Арагаца. И кто знает, может он и обошел бы это село стороной, как обходил, наверное, многие другие попадавшиеся ему по пути селения, не подвернись эта лачуга, где он заночевал, да так и остался жить.

Когда пришло лето, все поразились, увидев участок перед домом Тондира-Наапета. Уж чего только там не было — и морковь, и перец, и помидоры, капуста, свекла, а густо-зеленые листья табака уже слегка отдавали желтизной. И когда только успевал Тондир-Наапет все это окапывать, поливать — никто еще его за работой не видел. Он словно зарекся днем не брать в руки лопату, может, чтобы не слышать от каждого прохожего обычного в таких случаях пожелания удачи, чтобы не ввязываться в лишние разговоры, не отвечать на расспросы. А если кто и видел его на участке — то только сидящим на камне, возле ручья. Рано утром, поздно вечером, днем — в любое время, в любой час садился он на это облюбованное место и курил. Кончив курение, молча направлялся к жилищу. Он и впрямь в день мешок табаку выкуривал.

Однажды, погоняя перед собой двух барашков и навьюченного вола, заявился в село небольшого роста, крепкий, круглый человек.

—Наапетов дом который? — спросил он у толпившихся на сельской площади мужчин. Те указали. Вол, овцы и их хозяин двинулись к Наапетовой лачуге. На следующий день от гостя, изрядно говорливого и к беседе задушевной немало склонного, все узнали, наконец, кто такой Тондир-Наапет.

— Святой человек был Наапет, добрый, благородный, достойный, — рассказывал этот человек, назвавшийся мужем сестры Наапета.

— Наапет... воистину был наапетом[1] большого очага, всеми уважаемый Наапет наш... Разве это Наапет сейчас живет среди вас? Чтобы вы поняли — ничего от прежнего Наапета не осталось. Поднесите к нему огонь — сгорит. Дотла сгорит, а паленым не запахнет... В самые первые дни, когда началась война и в наших краях пошли беспорядки, каймакам нашего села вызвал к себе Наапета. «Наапет, — сказал он, — я в твоем доме частым гостем был, хлеб не раз в твоем доме ел, я бы хотел тебе добром за добро отплатить. В мире неспокойно. Давай, Наапет, прими нашу веру, поклонись Магомету и сохранит он твой дом и твою семью, Наапет, сделай это, чтобы не ударила молния, не сожгла, не разорила твой дом навсегда». Наапет понял, что хотел сказать каймакам, Наапет подумал и так ответил: «Допустим, я приму твой совет, скажу тебе сейчас «да», тер-каймакам, и семью спасу, а потом —перед судом всевышнего какой мне ответ держать придется? Я армянин, —сказал Наапет, —христианин, я своей вере, своему народу и истории нашей священной не изменю». «Смотри, Наапет, пожалеешь еще», — сказал каймакам. «Нет, —ответил Наапет, —не пожалею», И случилось то, чему суждено было случиться. Наапет остался один на всем белом свете, весь род его, всех до единого уничтожили, перебили.

Многое о жизни Наапета поведал сельчанам его словоохотливый зять. Пятерых сыновей Наапета погромщики расстреляли, двух дочерей увели с собой на поругание.

— Какие были юноши, дочки какие...

Жена Наапета хотела защитить младшую дочь — закололи на месте, расправились одним ударом кинжала. Наапет, привязанный к столбу, видел собственными глазами смерть пятерых сыновей, бесчестье дочерей, гибель жены. Когда со всеми было покончено, его отвязали: иди, сказали, иди, ступай, куда твоей душе угодно, есть приказ сохранить тебе жизнь...

И скитался Наапет, бог весть сколько верст исходил, пока сюда добрался, травой и крапивой питался, ночью на голой земле под открытым небом спал.

— Камень раскололся бы, тварь любая и то не выдержала бы, себя б с тоски загрызла, а Наапет вынес все и живет, слава богу, по соседству с вами... А что ему еще остается...

Словоохотливый родич Наапета пробыл в селе несколько дней. Вместе с Наапетом спал в его лачуге, часами дымил у ручья вместе с ним и находил, однако, время появляться на людях и продолжать свой рассказ про недавние страшные дни, про страдальцев безвинных и опять про своего шурина Наапета.

---

[1] Наапет — патриарх (арм)

— Братец Апро, а что шурин твой так людей сторонится? — любопытствовали крестьяне.

— Сердце у него в груди мертвое — оттого. Посмотришь, человек как человек: дышит, ходит, ест, работает, но с нами его нет — умер он, когда все это случилось. Умер душою. Мир для него холоднее могилы сейчас... Винить его нельзя, молния ударила, сожгла все, один пепел остался, спасибо еще руки на себя не наложил... Э, Наапет, Наапет.

Все село полюбило этого приветливого, добродушного, расторопного, вездесущего говоруна. По словам Апро, он случайно узнал о том, что Наапет живет в этом селе. Оставив всю поклажу, вола и двух овец Наапету, он торопился теперь обратно, в свою эчмиадзинскую деревню, где с нетерпением ждала весточки от брата сестра Наапета Антарам — жена Апро.

— Только они двое — моя благоверная и Наапет остались из их большого рода-племени. Нет больше рода Наапета, стерли его с лица земли.

Крестьяне провожали Апро как близкого и дорогого человека. Прощаясь, он просил всех уважительно обращаться с Наапетом и не отказывать ему в помощи, если понадобится. Старики одобрительно кивали головой, а молодые, с интересом слушавшие рассказы этого краснощекого добряка, почтительно пожелали ему доброго пути и благополучного возвращения в свой дом.

Мало что изменилось в жизни Наапета и после встречи с родичем. Рано утром он гнал овец к ближайшей речушке, овцы паслись на берегу, а сам он, устроившись на камне, все курил и курил. С молодыми пастухами не заговаривал, будто и не замечал их вовсе. В начале зимы он примешал своих овец к соседским, отправил на зимовку и вновь зажил затворником, запропал в своей келье. К старой кличке Наапета прибавилась еще одна, теперь его чаще называли Отшельник-Наапет, но на этот раз уже серьезно, без всяких шуток. В самом деле, кто выпекал хлеб для этого человека, кто обед ему варил? Кто шил ему одежду, стирал ее и латал? Непонятно. И довелось ли кому-нибудь сказать ему слова утреннего приветствия «бари луйс»? Нет. Потому что сам он ни к кому в дом не заходил, чтобы тем самым не дать права другим переступить его порог.

Зимой в натопленных домах крестьяне, собравшись, коротали вечера, покуривали чубуки и пересказывали старые-престарые истории, известные всем наизусть. Несколько раз в такие вечера посылали за Наапетом. Он вежливо благодарил, но не шел. Нет, таких отшельников свет еще не видывал, а уж это село — и подавно.

Что делал он один дома? Соседи утверждали, что так же, как на улице, он сидит молча, день и ночь непрестанно курит и думает. О чем?

Однажды зашел к нему соседский старик Мовсес и просидел у него до поздней ночи — наговорил, нарассказал всякой всячины — перемешал быль и небылицу, сыпал поговорками и пословицами, вспомнил все важные события, происходившие в мире и в их селе, под конец поведал о незначительных, но совсем свежих сельских новостях. Но и тогда Наапет ни единого слова не проронил, он затягивался едким дымом самокрутки и только изредка едва заметным движением головы делал знаки согласия или же выражал удивление по поводу услышанного.

— Э, братец Наапет, ты хоть тужи, хоть не тужи — у жизни свои порядки, — сказал напоследок старик Мовсес. Он и сам пришел в это село давно, только из таронской стороны, тоже, стало быть, из беженцев был... — До горя твоего ей дела нет, — заключил Мовсес, — оно всегда с тобою жить будет. С тобою и умрет. А мир этот каким был, таким и останется...

Наапет затянулся и посмотрел на маленькие быстрые глаза старика, на тощие плечи его и трясущуюся голову.

— Так-то, братец Наапет. В жизни и свадьбу играют и поминки справляют, и нашего на то согласия не спрашивают... Не губи себя, не убивайся так, Наапет, еще на суде всевышнего ответ всем нам держать... Не бери греха на душу, живи как все, не покойник ведь ты, живой человек.

Наапет смотрел на старика какими-то пустыми глазами. Видел он его в эту минуту или не видел — кто знает? Потом вышел вместе с ним из лачуги, проводил до дому, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе, в свое жилище, расстелил на земляном полу пропитанную сыростью постель и натянул одеяло на свою иссохшую грудь.

2

Наапет и в эту ночь уснуть не мог. Керосиновая лампа была погашена, ердык закрыт. В лачуге стояла непроглядная темень. Крепко зажмурив веки, он пытался забыть про все и заснуть, — и снова перед глазами вставали по одному его сыновья — Грайр, Жирайр, Андраник, Мурад, и снова ему хотелось вспомнить их лица, подробно, до мелочей, вспомнить голос каждого, походку, характеры, привычки... Грайр и Жирайр родились двойняшками, и хотя нисколько друг на друга не походили, один — вылитый Наапет, другой брата Манушак напоминал, но любили один другого и были привязаны друг к дружке, как истинные близнецы: вместе веселые бывали, вместе понурые ходили. Первенцам имена давали два брата Наапета. Они назвали мальчиков каждый именем своего лучшего товарища. И получилось так, что братья Наапета поделили племянников между собой: старший брат больше любил Жирайра, младший — Грайра, а сам Наапет обоих любил одинаково сильно. Хотя и братья его, Сероб и Айро, если уж по правде говорить, тоже различия между племянниками не делали, в обоих души не чаяли, но все же шутки ради пререкались вроде:

— Мой Жирайр — лучше всех, — говорил Сероб.

— А мой Грайр — еще лучше, — отвечал Айро.

Братья Наапета, случалось, месяцами пропадали в горах, до самого Муша иной раз добирались и, вернувшись, шумно радовались подросшим племянникам.

— Как вырос Жирайр! — говорил Сероб.

— Грайр — не меньше, — с достоинством откликался Айро, — Грайр мой храбрым растет, отчаянным юношей будет.

— Увидим, — улыбался Сероб. — А Жирайр, сдается мне, умом и ученостью возьмет, Жирайр весь мир удивит, гордостью нации будет.

Оба учили любимцев, каждый своего, как с оружием обращаться, как прицеливаться, как стрелять, потом снова гадали-предсказывали будущее своим несравненным племянникам, напоследок, поцеловав их, уже спящих, уходили обратно в горы.

После Жирайра и Грайра родилась девочка, потом опять мальчик. Девочке дали имя Сосе, мальчика назвали Геворгом. Двойняшки подросли, им уже доверяли погонять быков во время пахоты, они и яблони уже сами сажали. Забрав маленького братика и сестру, они шли на берег моря[1] и целый день играли там, веселились, не забывая, однако, подкармливать яблоками малышей, оставленных на их попечение.

О, артаметские яблоки!.. Всю зиму, всю весну и лето — вплоть до нового урожая хранились они в домах артаметцев и даже в суровые зимние дни вдруг начинало казаться, что вокруг яблоневые сады, и не зима, а теплая осень на дворе: круглый год волшебно, до одури пахло в Артамете яблоками...

В лачуге было темно, Наапета сон не брал... На улице по-разбойничьи свистел и гикал ветер, согнувшиеся под тяжестью плодов ветки покачивались... В Артамете по утрам земля под деревьями бывала красной от опавших яблок. Из прибрежных садов яблоки срывало, уносило в море, и они маячили на его поверхности тысячами красных сверкающих мячиков, то скрываясь от глаз, то всплывая ненадолго на гребешках волн — так доплывали они до противоположного берега, до селений Баркат, Аркенц, Кочерер и Арен, чтобы потом быть выловленными детишками, да и взрослыми тоже... в соленой воде им ничего не делалось — разнося по всему морю благоуханный нежный аромат, яблоки прибывали сюда такими же свежими и душистыми, как там, в Артамете...

За городом Арцке гордо возвышается Сипан-гора. Во весь свой чудный рост виден Сипан из садов Артамета. Восемнадцати лет Наапет впервые отправился на лодке в Арцке навестить свою тетку.

...На самом берегу Ванского моря расположен город Арцке, на берегу моря и у подножья Сипан-горы. Красивы эти места... Когда артаметец отправлялся в гости куда-нибудь, он брал с собой хурджины, полные самых отборных, самых красных и больших артаметских яблок. У Наапета для тетки, ее сыновей и дочек был такой же гостинец. В честь племянника в доме тетки зарезали курицу, пожарили яичницу. Вечером по обыкновению уселись на улице подле дверей. Из соседнего дома послышалось пение. В соседнем доме тихо пела девушка, и голос ее западал в самое сердце...

Яман, яман,
по морю Ванскому лодка плывет...

---

[1]. Здесь и далее имеется в виду большое озеро Ван.

— Манушак поет, — сказала дочка тетки.

— Красивая, пригожая, не девушка — шелковая ниточка, умная да работящая, — сказала тетка, — возьмем и сосватаем нашему Наапету...

Яман, яман,
наши дома стоят рядом,
моя возлюбленная краше твоей,
яман, ах, яман...

Наапет достал из хурджина самые лучшие яблоки, завернул в шелковый платок, вышитый для него матерью и, протянув теткиной дочке, сказал:

— Отнеси Манушак. Да так, чтобы никто не видел...

Через год Манушак привезли молодой невесткою в Артамет, в дом Наапета.

...В наапетовой хибаре темно, ни зги не видно, на улице кругом снег лежит. Зима. Крестьяне наслушались сказок досыта, наговорились за долгий вечер и теперь спят глубоким сном в теплых обжитых своих домах. Завтра спозаранку надо проснуться, корма задать волам, коровам, буйволам, убрать в хлевах, сменить подстилку, поскрести волов, обтереть масляной ветошью буйволов. У многих сельчан детишки растут. А им молоко нужно. Потому и коров держат. Слава тебе господи, не всех ударило той черной молнией, что унесла наапетов род и все потомство его...

Не спит и не спит Наапет. Сон нейдет к его измученным глазам. Как только эти глаза не ослепли, как не померк их свет, когда они увидели смерть Жирайра и Грайра?..

Наапет повернулся на другой бок и попытался вспомнить другие, более ранние времена. Жирайр и Грайр еще сами были от горшка два вершка, а уже брали на руки один Геворга, другой Сосе, уносили их в сад, усаживали под деревьями и забирались на самые высокие ветки, чтобы нарвать самых красных яблок, порадовать малышей. Как-то из сада донесся крик. Наапет с Манушак бросились в сад, и увидели — Грайр с дерева сорвался, веткой рассек себе левую бровь, лицо все в крови было, но он слезы даже не проронил, а кричал испугавшийся за брата Жирайр. Рана быстро зажила, остался шрам, когда те собаки выстрелили в Грайра, он упал на спину, кровь стекала со лба, заливая левую рассеченную бровь...

После Геворга и Сосе родились еще трое: Андраник, Мурад и дочка Джейран. Красивые были дети... В их семье было заведено — в честь каждого новорожденного в день его появления на свет или чуть позже, смотря по погоде и времени года, около дома сажать яблоньку. Потом дети каждый за своим деревом ухаживал сам. Яблони первенцев росли так же ровно и согласно, как сами они, вместе в белый цвет одевались по весне, вместе отцветали. Самой раскидистой яблонькой оказалась яблонька Сосе. А у Джейран деревце что-то плохо росло. Как она из-за этого огорчалась!.. Андраник был трудолюбивее всех, он посадил семь саженцев и все возился возле них... Каждую ночь на весь дом раздавались воинственные крики Геворга: ему снились бои и сражения, в которых он участвовал вместе со своими храбрыми дядьями .., Мурад часто уходил с пастухами в горы, на свирели играть любил...

Наапету послышался издалека голос Манушак:

Яман, яман,
доплыла лодка до середины моря,
сынок остался в плену у турка,
яман, ах, яман...

Никто не пел, ничей голос не доносился. Сколько раз уже с Наапетом так бывало.

— Зачем я живу на свете — сам не пойму, — прошептал Наапет.

Сквозь ердык проникли в лачугу предрассветные лучи. Наапет встал, бормоча слова утренней молитвы.

Еще одна бессонная ночь была позади.

— Но что изменилось бы на свете, — спросил самого себя Наапет.— если бы я уснул и никогда больше не проснулся — разве мир от этого обеднел бы, разве кого-то не досчитались бы?

Он вспомнил старика Мовсеса. «Не бери греха на душу, Наапет, — говорил вчера старик, — ведь живой ты человек, не покойник... помни, все перед судом божьим предстанем... людей не сторонись, Наапет».

В лачуге было темно и холодно, а на дворе давно уже наступил день. Наапет приоткрыл ердык, растопил тонир, и, выкурив первую толстую самокрутку, засыпал в глиняный горшок дзавару[1], потом залил его водой, поставил горшок на крестовик в тонир и вышел на улицу, щуря глаза от яркого дневного света.

Поблизости никого не было. А сегодня взгляд его искал человека, хотелось услышать живую речь. Наапету хотелось, чтобы появился старик Мовсес, сел рядом и повел рассказ о том, что творилось на белом свете и какие-такие грозы и ураганы пронеслись над головами людей, кто погиб, а кто уцелел.

Вот о чем думал Наапет, когда перед ним, опираясь на палку, возник старик Мовсес. Он подошел, поздоровался и сел рядом с Наапетом, перебирая четки и приговаривая: «Чет, нечет, худо, добро, бог, чет, нечет, худо, добро».

— Добро... добро хорошая примета, братец Наапет. Зла мы навидались; сколько выпало нам его на долю — на весь мир хватило бы. Сделай так, господи, чтоб другим после нас безбедно жилось.

Долго говорил Мовсес, как и вчера. Под конец пригласил Наапета обедать.

— Старуха моя балак[1] сегодня варила, готов уж, наверное. Пойдем, Наапет, поедим да побеседуем. Вставай.

Наапет поблагодарил Мовсеса, но в гости идти отказался. Мовсес ушел, Наапет вернулся в свою лачугу, где на крестовике в горшке дымился нехитрый наапетов обед, пустой дзавар на воде.

Так проходили дни. И Наапету казалось — на свете ничего не меняется. Но все-таки посещения старика Мовсеса словно сдвинули что-то в душе Наапета, тяжесть какую-то сняли. Сам Наапет почти не говорил, только слушал. Ну, а Мовсес говорить мог без конца. Он и сам горя хлебнул немало, тоже беженцем был.

---

[1] Дзавар — истолченная пшеница

[2] Балак — суп из толченой пшеницы (тур.)

Рассказы его не утешали, но примиряли Наапета с собственным горем. Раза два Наапет по настоянию Мовсеса все-таки зашел к нему домой. Его встречали здесь с особым почтением. Сыновья Мовсеса открывали перед ним двери, старуха низко кланялась при рукопожатии. Наапет с горечью чувствовал, что тут было не только уважение, но и жалость, а он жалости не хотел. Потому так избегал людей, потому сторонился их... Мало-помалу он привык к семье Мовсеса. И спустя несколько месяцев заходил к Мовсесу даже без приглашения — они усаживались на глиняные накаты перед домом и больше молчали, нежели говорили, оба курили и, задыхаясь, кашляли до хрипоты, потом, пожелав друг другу спокойной ночи, расходились.

Ранней осенью приехала из эчмиадзинских краев сестра Наапета Антарам со своим мужем Апро и двенадцатилетним сыном. Наапет, сгорбившись, сидел перед своей лачугой и курил. Услышав женский плач и увидев перед собой высокую худую женщину, Наапет в первую минуту не мог сообразить, кто это.

— Наапет, помереть мне за тебя, мой брат бесценный...

Антарам — сестра, единственная из всех родных, единственно уцелевшая, кровь родная. Обнялись и заплакали брат с сестрой. Апро стоял в сторонке, смотрел на них и говорил сыну:

— Пусть поплачут, это хорошо, душе легче...

Но мальчик, увидев, как плачут мать и дядя, не выдержал и сам заревел.

— Норайр, хоть ты не плачь, мать свою пощади, дядю пожалей,— попросил сына Апро, потом повернулся к жене и шурину:

— Довольно, Антарам, хватит, Наапет. Горе это — всей нашей земли горе, не у вас одних оно, пусть люди не увидят ваших слез, идемте в дом.

Но к ним торопился уже старик Мовсес, крича издали:

— С добрым прибытием тебя, Апро, добро пожаловать в наши края! — Еще с прошлого раза ему полюбился веселый, разговорчивый зять Наапета.

— Здравствуй, дядюшка Мовсес, рад видеть тебя здоровым и бодрым, — приветствовал старика Апро и, показав на жену, поведал:— Вот брат с сестрой встретились, плачут, видишь, от радости, так уж, видать, заведено на свете —и в горе плакать, и в радости. Хорошо, что человеку слезы даны, иначе не выдержало бы бедное сердце.

— Верно говоришь, Апро, — согласился Мовсес, — и на свадьбе слезы льются и на поминках, это уже испокон веков так.

Сестра Наапета все еще убивалась, пытаясь, однако, унять слезы, и говорила брату:

— Лучше б я ослепла, ах, лучше б не видеть мне белого света, чем тебя такого увидеть, брат мой дорогой, драгоценный мой...

Юный Норайр больше не плакал, сдерживал себя, но сердце его разрывалось от жалости к этому человеку, о котором столько рассказывали ему мать и отец. Глаза Наапета — темные и глубокие — были очень похожи на глаза его матери, и это сходство делало этого высохшего, словно обугленного человека родным ему. Детская душа Норайра переполнилась любовью и острой щемящей болью...

Мать и ее брат, взявшись за руки, как дети, вошли в лачугу. Отец продолжал о чем-то толковать с Мовсесом, и только Норайр не знал, куда деть себя, куда приткнуться. Пойду к ним, решил он, посмотрю, что делают.

Брат и сестра сидели прямо на земле возле тонира.

— В могилу бы мне лечь за тебя, Наапет, брат мой, — причитала Антарам и, обхватив обеими руками голову брата, вглядывалась в его большие глаза, — за твое измученное сердце, за раненую твою душу, за моего Сероба, Айро, Грайра, Жирайра, моего Геворга, Андраника, Мурада, Сосе, Джейран, Манушак... Это что же стряслось с нами, брат...

Брат и сестра, плача, обнялись крепко, словно и теперь еще кому-нибудь из них грозила опасность. Норайр больше не мог сдержать себя и громко заплакал. Мать оглянулась.

— Это мой сын, Наапет, — сказала она. — Поди сюда, Норайр, подойди, поцелуй своему дяде руку и пусть он благословит тебя.

Норайр опустился на колени, прильнул губами к руке Наапета. Наапет обнял его, поцеловал в лоб, в глаза, усадил рядом.

— Похож на брата нашего Сероба. Лицо его, а кость твоя, Наапет. И ростом в тебя...

Наапет еще крепче обнял Норайра. Вошли Мовсес и Апро. Наапет и Антарам, утерев слезы, поднялись. Наапет принес и постелил на землю две самодельные циновки. Все молча уселись, потом Мовсес произнес нараспев:

— «Дуниа султан Сулеймана калмады, киме каладжак...»[1].

Переводить не надо было. Один лишь Норайр не понял ни слов, ни смысла премудрости.

3

На другой день, проснувшись ни свет ни заря, Апро куда-то заторопился.

— Антарам, вы тут без меня позавтракайте, а я пройдусь немного...

Он зашагал к ручью. Дойдя до берега, остановился, поднял комочек красноватой земли, растер ее в руке, на вкус попробовал, понюхал, потом перепрыгнул через ручей и пошел в сторону поля. Домой вернулся к полудню, довольный, сияющий.

— Нашел, Антарам! Благодатная, отменная красная глина! Норайр, бери осла, поехали!

Дотемна возили они с поля красноватую землю, высыпая ее перед жилищем Наапета.

— Чем занят, Апро, что за дело придумал себе? — поинтересовался старик Мовсес вечером.

---

[1] Даже султану Сулейману мир не остался. Кому же он может остаться?

— Нужное, полезное дело, братец Мовсес, — отвечал Апро, — такому почтенному человеку, как Наапет, негоже жить в лачужке. Человек только над временем власти не имеет, а себе самому, например, он хозяин... Вот если ты упал и шею сломал — слезами поможешь? Нет, лекаря звать надо. Ну, а если нет, скажем, лекаря, тогда что? — Становись сам своим лекарем, верно я говорю?

Из этой путаной речи старик Мовсес так и не уяснил, для чего Апро и его сын натаскали к лачуге Наапета такое количество земли, что они собираются с ней делать и чем все это кончится? А Апро подумал, что все и без того яснее ясного и распространяться больше не стал.

На следующий день Апро достал из хурджина несколько квадратных деревянных рамок и, разведя глину водой, принялся выделывать кирпичи. Подошел Мовсес, подошли один за другим соседи. Каждый из них пожелал Апро удачи. Потом, став в сторонку, они молча наблюдали за его ловкой работой. Вскоре все село собралось у лачуги Наапета. Антарам и Норайр подносили раствор, Апро заливал его в деревянную форму и через минуту вываливал на землю ровную ладную кирпичину.

— С недельку на солнышке посохнут — и готово... На той неделе буду стену класть, Наапету нашему дом будет, в субботу начну. Сколько я домов таких вокруг Эчмиадзина построил! Сотни. Двадцать пять лет уже в этих краях живу. Как пришел из Артамета — двадцать пять лет назад — клятву себе дал больше под турецкое подданство не возвращаться... И не вернулся...

Ни на секунду не прерывал работу Апро и ни на секунду не умолкал, никому не давая рта раскрыть, не уступая этого удовольствия никому.

— Да вознаградит тебя бог, Апро, да воздаст он тебе с твоею же щедростью, добрый ты человек, — растроганно сказал старик Мовсес и обратился к Антарам:

— А ты, сестрица, ступай в дом, разве это можно, чтоб женщина глину таскала, а мужчины стояли да глазели. Такое нам чести не делает.

И, повернувшись к своему дому, крикнул:

— Эй, Мушег, Вреж, где вы? Идите сюда!..

Сыновья старика не заставили себя ждать.

— Ну-ка, засучите рукава, мастеру Апро глину будете подавать... Сестрица, ты в дом иди. Извини, что сестрицей тебя называю, ты мне в меньшие дочки годишься.

— Иди, Антарам, — поддержал старика Апро, — слово братца Мовсеса для нас закон, иди, раз говорит.

Впервые в селе видели, как делают кирпич. Здесь дома строили из щебня и крупного камня, вот еще почему все село сбежалось смотреть, как работает наапетов зять.. Глины могло не хватить. Один из сыновей Мовсеса запряг телегу и поехал с Норайром в поле. Теперь Апро едва успевал заливать рамки. Старик Мовсес, когда-то плотничавший, пошел к себе домой и вернулся с новыми, только что сколоченными рамками. И сам встал рядом с Апро — заспорилась работа пуще прежнего.

Все мужчины села толпились у наапетовой лачуги, а сам Наапет ни разу не показался, сидел и курил в лачуге, словно все происходящее его не касалось.

— Так не годится, брат, — говорила Антарам Наапету, — выйди к людям, признай их, поклонись им, привет их прими, спросят о чем — ответ дай, помогут — поблагодари. Нельзя иначе, Наапет. Умереть мне за тебя хоть сейчас, брат, что ж ты губишь себя... или весь век в разладе с миром собираешься прожить?..

Так говорила Антарам, обняв брата за плечи, а тот слушал ее, курил и думал: «Ах, сестра моя, сестра, говоришь хорошо, брата своего вразумляешь, плачешь сама над горем моим и меня утешаешь. Меня утешаешь — сама утешаешься... Одного только не понимаешь: брат твой не живым на земле живет, не сердце у него в груди — мертвый камень...»

— Нельзя так жить, Наапет, — продолжала Антарам, — погляди на Апро, одних с тобой лет, а кто увидит вас вместе, подумает, ты лет на двадцать старше... Себя не жалеешь, сестру свою пожалей. Тебе жить нужно, наш род продолжаться должен... Мысль мою понимаешь? Живому жить, Наапет. Мертвые все равно не воскреснут. А ты жить должен — и им на том свете легче станет. Наапет, мы с Апро так думаем, что надо тебе семью завести. Ты должен жениться, брат.

Наапет вздрогнул. Словно ему неожиданно сообщили страшную весть, он испуганно взглянул на сестру сквозь густой табачный дым, заслонявший его лицо.

— Верно говорю, — сказала Антарам, — нет греха в этом, нельзя на свете одному.

Терпеливо доказывала сестра брату — перед лицом господа бога обязан он новую семью завести, потому что нельзя на свете жить как сухая головешка, нельзя уходить бесследно из этого мира, нельзя не оставить потомства после себя, нельзя, чтобы их род сгинул. Антарам договорилась до того, что-де знает одну вдову, зовут ее Нубар, мужа и детей потеряла, как и он, родом из их краев, здоровая, честная женщина, домовитая. Они с Апро решили сосватать ее Наапету.

Антарам сказала еще, что, мол, уже вскользь говорила с Нубар, что ни она, ни Наапет не молодые, обоих господь счастья лишил, дом отнял, но все же бог милостив и может со второй семьей у них будет благополучие, тысячи людей живут себе, горя не ведают, может и им так суждено отныне, кто знает.

Она помолчала немного и продолжала:

— Не противься, Наапет. Твоя сестра тебе руки-ноги будет целовать — не говори нет... Нубар хорошая, красивая из себя, и стряпать ловка, за тобой как за розой-цветком ходить будет...

Антарам говорила и все в лицо брату заглядывала. Глаза его словно дымкой подернуты были. Антарам не знала — согласен он с ней или же сказанное ею неприятно ему. А Наапет курил и думал — как сестра может говорить такое, что это они с Апро придумали: «Разбитый кувшин склеишь разве?» Это ему-то, Наапету, предлагают они заново жениться, новую семью завести, детей? Господи! Что же это за женщина должна быть, чтобы заменить ему Манушак, сердце его застывшее согреть и раны на том сердце залечить? И что за дети должны родиться, когда жили на свете Жирайр и Грайр, и Геворк, Андраник и Мурад, а теперь ни одного из них нет в живых. Он подумал о сыновьях, и они встали перед его глазами все вместе. И Сосе, и Джейран рядом с братьями. И Манушак.

Стройная, высокая, смуглая, тонкостанная его жена, застенчивый взгляд ус-

тремлен в землю — такой он увидел ее в первый раз в тот день, когда приехал гостить к тетке в Арцке. Она пела тогда:

Яман, яман,
лодка плывет по Ванскому морю...

Ему слышался этот голос постоянно, где бы он ни был, днем ли в лачуге, в поле ли, куда он забредет, бывало, один, ночью в глубоком сне. И вспоминался последний день, последняя минута, когда она метнулась, чтобы заслонить Сосе, не дать увести, а потом вдруг закричала и упала навзничь. Только и успел взлететь в воздух кинжал... То песня Манушак слышалась ему, то крик ее предсмертный...

— Манушак была твоим сладким сном, — сказала Антарам, словно угадав, о чем думалось брату в эту минуту, — но сон кончился, не воротится более, а жизнь идет и идет, и мир как стоял на своем месте, так и будет стоять. Царствие небесное Манушак и детям твоим во веки веков, аминь...

И, расчувствовавшись, Антарам заплакала.

Наапет молчал, он ни словом еще не откликнулся на предложение Антарам. Со двора слышался голос Апро. Продолжая работать, он громко рассказывал о чем-то собравшимся во дворе крестьянам, часто повторяя имя Наапета. Наверное, рассказывал о его былой жизни, о семье, о несчастьях, случившихся с ним и с людьми его края. Наапет слышал свое имя и сердился про себя на Апро.

— Шабаш, — донесся голос Апро, — доволен я, братец Мовсес, и благодарен тебе и твоим сыновьям и всем соседям за то, что помогли. Этого кирпича достаточно будет для дома моего брата Наапета...

Было темно, все розошлись: и те, что работали, и те, что глазели на работу.

Наапета, Апро, его жену и сына Мовсес пригласил к себе на ужин. Поздно вечером вернулись они из гостей.

— Добрый человек Мовсес, хороший, — сказал Апро.

— И жёна у него добрая женщина, — добавила Антарам.

Наапет молча курил, и Норайру не по себе делалось от постоянного такого молчания. В мальчике зарождался страх перед миром. Откуда появился этот печальный, сраженный горем человек?

Прошла неделя, кирпичи обсохли, и Апро начал класть стены главной комнаты. И снова сыновья Мовсеса помогали ему. За несколько дней, как на дрожжах, поднялось-выросло новое жилище Наапета. Оставалась самая малость — поставить крышу. Апро куда-то исчез, и через два дня вернулся с двумя телегами — на одной шесть больших бревен, на другой — вязанки камышового тростника.

В тот же день крыша Наапетова дома была готова.

— Ну, брат, нам уже собираться пора, что скажешь? — спросила Антарам вечером. — Дозволишь пойти нам с Арпо сватами к Нубар, узнать у нее и тебе весточку послать, или...

Наапет и на этот раз промолчал.

— Пускай братец Наапет сидит, табаком своим забавляется, — перебил же-

ну Апро, — этим делом мы с тобой займемся, Наапету нельзя наперекор нам идти, не чужие ведь мы. Что я решу, что ты, что Наапет — все одно.

Норайр смотрел на дядю, тщетно пытаясь угадать, согласен ли тот или нет с желанием его родителей и действительно ли воля его родителей — закон для такого человека, как Наапет.

— Норайр притомился, пускай ляжет, — Наапет положил руку на голову племяннику. Казалось, его стесняло присутствие ребенка.

Это были единственные слова, которые в тот день сестра, зять и их сын услышали от Наапета.

4

Уезжая, Апро оставил Наапету осла.

— Вьючная скотинка, в хозяйстве пригодится, — сказал он.

Вьючная скотинка и вправду пригодилась. Раза два Наапет спускался в ущелье, собирал там валежник и, погрузив вязанки на осла, в сумерках, возвращался домой. Он словно не хотел, чтобы люди видели, какие ничтожные заботы его занимают. Казалось, он стыдился людей, стыдился, что живет на свете. После всего, что случилось с ним, жить нельзя было. Вот как думал он.

Всю зиму он в полном одиночестве просидел в своем новом доме, покуривая самокрутку и вспоминая один за другим все дни своей уже прожитой жизни. Кто мог подумать, что все близкие и родные погибнут, а он, Наапет, один останется на свете, горевать и мучиться памятью о них... В Артамете летом поспевали, наливались яблоки, дети целыми днями пропадали в саду, озорные парни рассыпали по тропинкам яблоки, а по тропинкам шли девушки с кувшинами на плечах. Море было синим, как небо, небо сверкало, как изумруд.

Вдали крутилась быстрая Арцке, она начинала свой бег с верхних склонов Сипан-горы, грохоча и набирая скорость, неслась, сломя голову, и кидалась с разлету в Ванское море. И тогда только успокаивалась. А краснопятнистая арцкенская форель заворачивала обратно, не желая смешиваться в соленых водах с морской рыбой тарех.

Каждый день, сидя возле жестяной печки, полузакрыв глаза, Наапет мысленно возвращался в родные края, кружил по знакомым огородам и садам, брел по морскому берегу, вместе с Манушак плыл на лодке в Арцке в ее отчий дом и, оседлав с братьями горячих коней, поднимался на склоны Сипан-горы; Наапет пел «Мокац-мирзу», братья жены жарили на костре перепелов и куропаток. Иногда на пути попадались курды-разбойники, но, завидев их, молниеносно скрывались... Сколько раз турецкие жандармы обыскивали дом отца Манушак и ни разу ни единой винтовки не находили, ни одного патрона — хорошо были припрятаны они в Арцке и сослужили свою службу в дни больших испытаний... да, а в Ар-

тамете не послушались Сероба и Айро, братьев Наапета, и все погибли. Но лучше бы, лучше бы они в бою погибли, чем так, от сабли, беззащитно и безответно. Слава вам, аренцы и арцкенцы — всем вам слава! Царствие небесное вам, жертвы невинные, убиенные, долгой и счастливой жизни вам, уцелевшие, живые и здравствующие. Вы все хорошо дрались, доблестно сражались, в пух и прах разнесли аскяров Джават-паши... После ванских событий Джават-паша возвращался к себе через Алджаваз. Доволен был и спокоен, думал, что все армяне арцкенского каймаканства истреблены и села пусты. И были они на самом деле пусты, нигде ни души — села Баркат, Арен, Кочерер и город Арцке были пусты... Турецкое войско отступало, сделав свое дело. Между тем, армяне этих сел, кто с винтовкой, кто с маузером, вооруженные дробовиками, стекались в Арен. Арен для боя был удобнее всех расположен. Отряд Джават паши подошел к Арену, армяне открыли огонь из всего, что у них имелось огнестрельного. Погромщики отступили к ущелью, но там их тоже поджидала засада. Семьсот аскеров нашли здесь свою смерть. Так спаслись армяне арцкенской стороны. А после сражения они уже не вернулись в свои села, а спрятались в пещерах. Перед Баркатом морской берег высокий —со стороны моря сделали подкопы под скалами — получились пещеры. Во время прилива волны заливали пещеры, потом откатывались назад. Кому бы пришло в голову, что под этими каменными навесами, закрытыми со всех сторон, живут люди. Очередные турецкие отряды, разорив деревни на том берегу, возвращались морем на семи парусниках и путь их лежал через Баркат. Брат Наапета Айро собрал соотечественников, сказал: «Армяне, мы не должны допустить, чтобы аскяры ушли так просто, они уходят, чтобы снова вернуться и истребить народ наш. Выйдем все, — сказал, — с оружием, какое есть, будь что будет, спасем наши жизни — значит, и честь нации спасем». И началась битва. Турки решили — духи со дна морского поднялись наказывать их. Растерялись от неожиданности, заметались туда-сюда. Сколько их было на семи парусниках — все аскеры, онбаши, юзбаши и бинбаши[1] — все до одного погибли. И, захватив парусники, армяне поплыли к берегам Вана... Но удаче сопутствовала беда — за несколько минут до сражения одна из пещер обвалилась — семьдесят человек остались заживо погребенными под руинами. И брат Наапета Сероб в их числе. Другой брат Айро погиб через несколько часов, когда брали штурмом парусники. Он прыгнул на палубу —и тут один из турков, притворившийся мертвым, —о, коварный аскер, —ударил кинжалом в спину. Ах, неосторожный, беспечный Айро, как ты не оглянулся вокруг, не пригляделся, не увидел —кто перед тобой. Обоих братьев лишился в этот день Наапет. А сам уцелел. Да, Наапет и в этот день остался жив, добрался до Вана, смешался здесь с многотысячной толпой беженцев, стал одним из них и двинулся в едином с ними потоке. Как брошенная в море щепка! Куда только его не кидало! И вот попал сюда, наконец. Почему сюда именно, каким ветром его занесло в эти края, он и сам уже не помнил...

Печурка накалилась докрасна в Наапетовом домике, сухие корни кустарни-

[1] Онбаши — десятник, юзбаши — сотник, бинбаши — тысячник (турец.).

ков долго горели и не обугливались. Наапет, сидя на циновке, опершись о грязные засаленные подушки, еще мысленно, обессилевший брел по дорогам, садился передохнуть и каждый день давал себе слово покончить счеты с жизнью, но не решался —боялся Страшного суда —этого дня Наапет боялся более всего. И смерть его не брала, обходила, смерть больше за молодыми да за детьми гналась. О, какие это были дни... а теперь все твердят одно, что он должен жить, закон жизни таков, право живого человека —жить, жить. Сколько он может жить?..

Проходили за днями дни, неделя за неделей. У Наапета в мешке пшеница толченая хранилась, мелкий сыр —жажик имелся, и хлеб был, Апро с Антарам привезли, когда гостить к нему приезжали, —Наапет мочил хлеб и равнодушно жевал его с сыром; иногда отваривал пшеницу, воду сливал, а зерно оставлял в горшке —на ужин, на обед и завтрак. Охоты к еде у него не было никакой, ни разу не вспомнил он о вкусных обедах, какие варили женщины его края. Казалось, он так и жил всю жизнь со дня появления на свет и словно не было у него маранов[1], полных фруктов, и жирного желтого сыра, хранящегося в бурдюках, или тареха, засоленного в карасах[2], словно не приходилось ему никогда есть шашлык, сдобренный гранатовым соком, или каурму[3] из телятины. Сущий вздор эта жизнь, вот что! Бывает, что сытого не назовешь счастливым, а голодного — несчастным. Бывает так, разное бывает. Но нет никого на свете несчастнее, чем одинокий человек, вот как Наапет сейчас, это точно. Были бы рядом с ним Манушак, сыновья его и дочки — пускай бы и этого черствого хлеба не было, они ели бы ячмень с просом и воздавали бы хвалу создателю.

Иногда он спрашивал себя: «Как же ты с ума не сошел, как выдержал такое? Ах, боже, боже...»

По-прежнему навещал Наапета сосед Мовсес. Он молча проходил в комнату, устраивался рядом с Наапетом на циновке, сворачивал самокрутку и, перебирая четки, приговаривал вечное свое «добро, зло, бог...», потом вдруг обрывал себя и говорил, глядя на Наапета маленькими блестящими глазками:

— Реки весной мутные, осенью прозрачные, один день, глядишь, выдался сумрачный, другой чистый-пречистый, и свет божий, и погода, и люди — все в изменчивости живут, не нами так заведено, мы тут ни при чем.

После подобной премудрости обычно долго молчали. Мовсес сворачивал новую самокрутку и протягивал табакерку Наапету. Наапет доставал мешок с табаком, ставил на сплетенный из соломы стульчик. Потом Мовсес спрашивал, нет ли вестей от Апро и сестрицы Антарам.

— Благословенно молоко твоей матери, Апро, — говорил Мовсес, — что бы все люди на свете такие были. Что скажешь, Наапет, не собирается ли Апро нынче к нам? Занят, наверное, как думаешь? Наверное, оттого и не едет.

Наапет молча пожимал плечами, но Мовсес не унимался.

---

[1] Маран — кладовая (арм.).
[2] Карас — большой глиняный сосуд.
[3] Каурма — жареное мясо, заготовленное на зиму (турец.).

— Не случилось ли чего, упаси боже, жаль будет Апро,— и сам же себя успокаивал,— нет, верно, дел много, дела удерживают. Не верю я, чтобы Апро позабыл тебя. Будь он за семью горами, семью печатями, не сегодня-завтра объявится... Сердце у сестрицы Антарам не вытерпит разлуки с братом. Собирается уж, небось, сестра в путь-дорогу. Я хоть и не родич вам, а соскучился по Апро, поверишь ли...

Наапет выражал свое согласие медленным, полным достоинства кивком головы, а Мовсес переходил к последним сельским новостям.. Опять у них делят землю, знает про то братец Наапет или не знает? Наново делят. Сколько душ в хозяйстве — из этого исходят. Что думает братец Наапет по этому поводу? Если человек один, например, — то земли маловато получается, не прокормишься с такой земли.

Наапет понимал, куда клонит Мовсес, но молчал, не отвечал ничего.

— Сегодня Гукас, председатель, о тебе справлялся. Почему, говорит, дядюшка Наапет не зайдет в контору, не скажет нам, может, в чем нуждается, а я ему — если уж вы так благородны, взяли бы да и навестили Наапета сами, так-то, дорогая наша власть.

Наапет удивленно посмотрел на Мовсеса, зачем он такие слова говорил председателю, с чего бы это Гукас должен навещать Наапета, а придет, что хорошего здесь увидит? Неладно поступил братец Мовсес, совсем нехорошо.

На следующий день Гукас и впрямь пришел к Наапету. Лет тридцати, смуглый, полнолицый, с тоненькой ниточкой усов над верхней губой, в новых галифе, приспущенных на узкие, обтягивающие ногу сапоги. Приятный молодой человек, подтянутый и ладный.

— Дядюшка Наапет, — сказал он, поздоровавшись и пожелав Наапету доброго здоровья, — мы тут землю делим, перессорились все из-за нее, меня все на чем свет стоит ругают, каждый получше кусок хочет урвать, а ты чего не придешь за себя просить, видно, тебе ничего не нужно?

Наапет только плечами пожал — к чему, мол, такие речи, что толку в них.

— Землю делим подушно, — продолжал председатель Гукас, — тебе если на одного выделить, совсем мало получится, не знаю, что и придумать.

На пороге при этих словах объявился старик Мовсес и сразу же, секунды не подождав, кинулся в разговор:

— Хочешь, расписку тебе дам, Гукас, что не весной, так летом, а не летом, так уж непременно осенью в этом доме две души будут жить. Давай бумагу, хоть сейчас свою подпись поставлю.

— Ты у нас на все горазд, дядюшка Мовсес, ты подпись где только не поставишь, а что сам хозяин молчит, слова не обронит, это как прикажете понимать? — засмеялся Гукас.— Ну что, дядюшка Наапет, на двоих отмерить? Говори, твоего ответа жду. Как скажешь, так и сделаю.

Наапет затянулся глубоко и сказал:

— Мне на одного сколько полагается, столько и выделите...

Гукас и Мовсес переглянулись.

— Ладно, отец, — сказал Гукас, — коли прибавится у тебя народу, и землишки подбавим. На то и существует ведь наша советская власть. Ленин наказал таким, как ты, помощь всемерную оказывать. Я хочу, чтобы у тебя земли больше было, но раз ты сам не хочешь пока — воля твоя. Пусть будет, как ты того желаешь. Но если тебе что понадобится, дай знать, для тебя все сделаем...

— Благодарю тебя, парон Гукас, дай бог, чтобы солнце над твоей головой долго светило...

— Какой я тебе парон, отец, что ты, что ты, — рассмеялся Гукас. Не свою ведь землю тебе даю — общую.

— Как бы то ни было, долгой жизни тебе. Спасибо, — повторил Наапет.

После этого случая Наапет начал все же интересоваться сельскими делами, все уже хотел знать — и кто сколько земли получил, и кто срочно сына женил, чтобы побольше надел взять, кто ручьем незаконно завладел, что за косогором — в селе сейчас только о том и толковали. Кричали, перешептывались, злословили, родич на родича наговаривал, кум на кума, сват на свата. Наапету про все становилось известно через Мовсеса, его сыновей, и даже жена Мовсеса вдруг принималась рассказывать. Наапет слушал, удивлялся, покачивал осуждающе головой и был доволен, что Мовсес и его семья во всех этих спорах и дрязгах участия не принимают. «Человек жаден и ненасытен, — рассуждал про себя Наапет, — какую землю потеряли, прекрасную, щедрую, редкую землю, а тут из-за голых неродящих камней спор подняли, и верно ведь говорят: «Вода мельницу унесла, а люди по жерновам плачут...»

Близилась весна, черные проталины на полях с каждым днем делались все больше. Араратская долина, погруженная по утрам в синеватый туман, напоминала море. Иногда Наапету со сна казалось — из окна Ванское море виднеется, а на противоположном берегу белой своей снежной вершиной упирается в небо Сипан-гора, лучшая на свете.

Вот и еще одна зима минула и новая весна уже на пороге, а о возвращении в родные края ничего не слыхать. Оттого, наверное, люди и ходили сами не свои, ссорились по любому поводу и горло друг другу готовы были перегрызть из-за клочка скверной каменистой земли. И несмотря на все это, жизнь продолжалась и надо было думать о надвигающейся пахоте.

В один из ранних весенних дней, погоняя перед собой осла, в селе появились вдруг отец с сыном — Апро и Норайр. Со всеми здоровался Апро, со знакомыми и незнакомыми, всех расспрашивал о житье-бытье, о здоровье. С каждым встречным заводил разговор, потом, спохватившись, бежал колобком догонять ушедшего вперед Норайра. И снова останавливался, завидя нового человека.

— День добрый, парень Вреж, как здоровье почтенного отца твоего? Ходжа Мовсес драгоценный человек, хорошо за ним смотрите, не обижайте... Братца нашего Наапета давно видал? Как он, жив-здоров, говоришь? Ну, хорошо, раз так, благодарение богу... Норайр, тише иди... Слыхал, что люди говорят? Брат твоей матери жив-здоров сказали, слава тебе, боже милосердный, щадишь ты нас...

И пока они двигались так к Наапетову дому, останавливаясь каждую минуту,

весть об их появлении, опередив их, дошла до Наапета. Вместе со стариком Мовсесом он вышел встречать Апро и его сына. При виде Апро Мовсес весь просиял, заулыбался, но в лице Наапета ничего не изменилось.

Апро подбежал к ним и поздоровался за руку сначала со старым мушцем Мовсесом, потому что Мовсес был много старше Наапета.

— Вот и увиделись снова, старший брат наш, благодарение богу.

Потом Апро обнял Наапета и проговорил певуче:

— Наапет, рад видеть тебя в добром здоровье, дай бог тебе долгой жизни, видом твоим я доволен...

И, повернувшись к сыну, окликнул его:

— Норайр...

Норайр того только и ждал, он подошел к дяде и старику Мовсесу, поцеловал им руки и снова отошел, стал в сторонке.

— Вот помощника вам привел, — сказал Апро и, обращаясь к сыну, распорядился, — саженцы с осла сними, пускай скотина попасется на воле... Гляди-ка, что привезли мы для тебя, Наапет, артаметские яблоньки и гранат. Семена я давно еще из Артамета привез, потом за глазками ездил, в мокрой тряпке везти пришлось. Да-а-а... Что поделаешь, на какой земле живем, ту землю и украшать должны... Не правда разве? И ты, Наапет, то же самое делать обязан... Пусть артаметская яблоня не исчезнет с лица земли...

В тот же день, не теряя времени, Апро раздобыл в селе заступы и стали они с Наапетом перекапывать землю перед домом. Мовсес и сыновья его поначалу удивлялись — зачем лопатой, можно ведь сохой вспахать, быстрее, а вечером пришли помогать. Впервые в селе люди видели, как работает Наапет. Его высокому росту как-то не шло нагибаться — казалось, вот-вот разломится пополам, он чуть не вдвое складывался, когда наклонялся.

Ночь выдалась лунная. Апро, Наапет, старик Мовсес с сыновьями работали допоздна, а утром проснулись чуть свет и сразу же принялись сажать в землю саженцы. Теперь работой руководил сам Наапет — объяснял, на какой глубине должны быть корни, как срезать ветки, сколько воды каждому деревцу нужно, хорошо знал это дело Наапет.

— Думаете, уродятся яблоки на этих камнях? — недоверчиво спрашивает старик Мовсес.

— А как же, — отвечал Апро, — годочка через два своими глазами увидишь, нальются яблоки... Все деревья примутся, братец Мовсес, не сомневайся.

— Должны приняться, — подтвердил Наапет.

— А гранат даже будущим летом даст урожай, — сказал Апро, — саженец-то взрослый.

Крестьяне собрались, как и прошлый раз, когда Апро делал кирпич, наблюдали за работой. Село на склоне Арагаца было без всякой зелени, воздух сухой-пресухой, а земля — не земля — сплошной камень. Ни одного дерева — куда ни глянь. А эти артаметцы явились и яблоневые сады, вишь, хотят заложить. Но только затея эта напрасная. Беженцы из Муша и Сасуна, ставшие здесь уже

коренными жителями, переглядывались и ухмылялись в усы, а когда Апро с сыном стали воду в кувшинах таскать, чтобы полить саженцы, тут уж они не выдержали, засмеялись в открытую.

— Ты уж прости, братец Апро, — сказал один, — не приходилось ли тебе видеть, как верблюда из наперстка поят?

Апро понял, что над ним подтрунивают — улыбнулся и ответил добродушно:

— Верблюд — скотина разумная, может и из наперстка напиться. Не то что упрямый мушский буйвол, который, что ни увидит, так и норовит раздолбить дурацкой своей башкой...

— Ну, что, Манук, получил свое?! — загудели со всех сторон.

— Молодец, Апро, ну и ну, — старик Мовсес был до крайности восхищен находчивостью Апро, — чтоб тебя ни одна беда не взяла, Апро!

— А что, братец Апро, уже всерьез поинтересовался кто-то другой — деревья эти всегда из кувшина поливать надо?

— Когда земля под саженцами окрепнет, можно будет ручей подвести, а сейчас ручей всю землю смоет, корни оголятся, — пояснил Апро.

Во время этих разговоров Наапет незаметно ушел в дом и больше не показывался.

— Братец Мовсес, — сказал Апро, когда вся работа была закончена и саженцы политы, — я хочу уведомить тебя, Наапет с нами поедет, сестра его зовет... У меня к тебе просьба будет, пригляди за этими саженцами, последи, чтобы скотина не попортила, дети чтобы не обломали ветки... пока Наапет вернется.

Езжай спокойно, Апро. Все будет как надо, — отвечал Мовсес.

Норайр принес последний кувшин воды, Апро обошел все саженцы, побрызгал на них водой и что-то при этом шептал, что-то вроде молитвы, потом последнюю пригоршню плеснул себе в лицо, и сочтя дело законченным, отвесил поклон всем и пошел в дом.

— Ну, братец мой старший Наапет, собирайся в дорогу. Когда работали, я не хотел тебя тревожить, не говорил, что сестра твоя захворала и хочет тебя видеть. Опасного нет ничего, но раз больная просит, отказать нельзя.

Заметив тревогу на обычно бесстрастном лице Наапета, Апро порадовался про себя и продолжал:

— Норайр тому свидетель — не опасная болезнь. А сестра твоя такая женщина, увидит тебя и от радости выздоровеет. Так что собирайся.

5

На следующий день из села на склоне Арагаца, которое было ближе к Манташу, нежели к Амберду, вышли три путника и направились к Эчмиадзину. Они обогнули селения Уджан и Кош, в полдень миновали Сев-джур и поздним вечером пришли в деревню, где поселились и обрели пристанище беженцы из Арцке, Кочерера, Арена и Артамета.

Антарам, живая-невредимая, кинулась им навстречу:

— Слава творцу нашему, снова я вижу тебя, мой царственный брат, драгоценный...

— Дай сперва в дом войти, жена, — прервал ее Апро и, обняв всех коротенькими своими ручками, подтолкнул к дому — твой царственный брат, твой назир-везирь муж и твой наследник-сын устали с дороги, пить-есть хотят...

Они вошли в дом и сразу же уселись за ужин. По всему было видно, что Антарам ждала их именно сегодня. Постелив поверх циновки скатерть и расставив на ней еду, Антарам присела рядом с Наапетом, обняла его и хотела сказать что-то, но Апро не дал ей даже рта раскрыть.

— Пусть человек поест спокойно, — сказал он, — успеем наговориться.

После ужина Антарам бросила на пол на войлок две подушки, Наапет и Апро уселись друг против друга, Наапет достал свой неизменный кисет.

Антарам повязала голову платком, натянула на ноги грубые башмаки, напоминавшие обувь ее родных мест, и вышла. Норайра Апро услал куда-то по делу и остались они в доме вдвоем с Наапетом.

— Знаю, Наапет, — сказал Апро, — ругаешь, наверное, меня в душе, для чего, думаешь, Апро неправду сказал, что Антарам больна, когда она здорова. Но уж, если кто виноват — то это она, сестра твоя. А потом уж я. Намерения наши добрые, Наапет, поверь, что так. Твоя сестра и твой младший брат, которого Апро величают, желают тебе добра!

И Апро признался, что Антарам твердо решила во что бы то ни стало женить брата.

— Нубар хорошая женщина, добрая, кроткая, ну прямо ангел душой. И не чужая-незнакомая какая, из Кочерера родом... такая же страдалица одинокая, как ты, Наапет... красивая, статная, с Антарам ростом, но помоложе и русая... а характером с тобою схожа, Наапет. Видно, сам господь того пожелал, чтоб вы встретились.

Наапету все стало ясно уже с той самой минуты, когда он сестру в добром здравии увидал, поэтому слушал Апро рассеянно.

А Апро все говорил, Наапета увещевал:

— Как наши артаметские яблони плодоносили каждый год, хотя ветер и бури их настигали, листву и цвет их сносили, ветки ломали — так и ты должен потомство дать, зацвесть снова... Садам артаметским засыхать не гоже...

В это самое время Антарам просила Нубар пойти с нею помочь тесто замесить на завтрашний день.

Нубар выслушала соседку, ни слова не говоря, накинула на голову старую шаль, обула ветхие чусты и молча вышла с Антарам; по дороге она только движением головы давала понять, что слушает Антарам.

Нубар и впрямь была высокого роста, русоволосая, красивые синие глаза смотрели на мир и на людей испуганно и устало. По дороге она так и думала, что идет помогать Антарам по хозяйству. Но едва переступила порог и увидела рядом с Апро незнакомого мужчину, сразу все поняла: человек этот был так похож на Антарам, что если бы она встретила его на улице, все равно бы немедленно признала в нем брата Антарам.

Нубар отвела взор и застыла у дверей.

— Заходи, сестрица Нубар, не стесняйся, гость наш — близкий человек, брат наш, — сказал Апро.

Наапет лишь на секунду поднял глаза на Нубар и тут же опустил их снова.

— Вот что, вы, мужчины, пойдите немножко погуляйте, — сказала Антарам, чтобы рассеять неловкость, — мы с Нубар должны тесто месить.

— Пойдем, раз говорят, брат Наапет, — поддержал жену Апро.

Нубар, растерявшаяся, как девочка, хотела за спину Антарам спрятаться, сквозь землю готова была провалиться, только бы не стоять вот так перед чужими людьми.

Мужчины ушли. Главное уже было сделано — Нубар и Наапет увидели друг друга. Но Антарам все-таки принесла большое деревянное корыто и поставила его рядом с тондиром, потом достала муки, и женщины стали месить тесто.

На следующий день все в деревне уже знали, что Апро и Антарам думают просватать вдовую беженку Нубар за вдового артаметского беженца Наапета, родного брата Антарам.

Весть эта дошла и до помешанного старика Акопа.

— Ийя[1], Наапет, выходит, жив? — удивился он, — брат Сероба и Айро? Зря болтаете, знаю... Наапет мой крестник, он давно умер, тело рыбы в море сожрали, а душа в рай отлетела, душу святой Авраам прибрал... Наапета нет...

Сказав это, он все же зашагал к дому Апро, размахивая палкой и бормоча про себя:

— Наапет, сыночек мой, крестник, воскрес, на землю с небес сошел... Пойду погляжу.

Иногда он останавливался в сомнении:

— Неужто правда? Вроде бы правда, а раз правда, пойду отдам ему зернышек наших артаметских яблок, Наапет спасет их, кто-кто, а Наапет спасет...

Он шагал все быстрее и еще издали стал кричать:

— Наапет, эй Наапет, иду, чтобы в Эчмиадзин тебя отвести, крестить тебя будем, слышишь, миром лоб тебе помажем... Эй, где там мой крестник? Я один знаю, что моему крестнику нужно! Надежда и вера.

Юродивый и на самом деле был крестным Наапета. Двадцатипятилетним

---

[1]. Ийя —междометие, выражающее удивление.

юношей он стоял в церкви, держа в руках новорожденного. И новорожденный тот был Наапет.

Наапет вынул изо рта чубук и прислушался — хриплый старческий голос на улице показался ему знакомым. Сердце у Наапета забилось.

— Кто может звать меня, кто здесь мое имя знает? — спросил он, взглянув пристально на Апро.

Апро и Антарам скрыли от Наапета, что крестный Акоп жив, живет с ними в одном селе, скрыли, не сказали, что крестный рассудка лишился, безумным стал — да и как они могли сказать такое, если каждую минуту боялись, как бы с самим Наапетом не случилось такое же. Но теперь уже таиться нельзя было.

— Кто это? — снова спросил Наапет.

— Это крестный твой зовет тебя, Наапет. Крестный Акоп, — ответил Апро.

Наапет побледнел, поднялся с места.

— Наапет! — кричал во дворе безумный Акоп. — Ты пришел, Наапет, а крестного не спрашиваешь! Ты знать меня не хочешь, отступник Наапет, предатель Наапет, изменник...

Наапет рванул дверь. На пороге стоял всклокоченный старик, весь в лохмотьях, взгляд дикий, страшный. Наапету показалось, что перед ним чужой человек стоит. Несчастный бродяга или нищий.

— Наапет, крестник мой...

Наапета пробрала дрожь. Это был крестный и голос был его, но даже в голосе появилось что-то новое, — то ли рыдание, то ли мольба. Апро и Антарам увидели, как Наапет руками закрыл лицо, как затряслось его худое тело.

— Я пришел женить тебя, на свадьбе твоей гулять пришел, Наапет...

Апро пригласил старика в дом.

— Пожалуйста, отец, в дом заходите...

— Не пойду. Мой дом — везде, небо — моя крыша... я зайду к вам, а вы меня задушите, вы такие, знаю я вас... я только хочу на моего крестника посмотреть. Наапет, отними руки от лица, открой глаза, хочу узнать, ты ли это?

Он достал из-за пазухи заветный мешочек с зернышками артаметских яблок и дрожащей рукой протянул его Наапету:

— Спаси артаметские яблони, Наапет! Турки с топорами пришли, рубят наши сады... Наши яблони кровью обливаются, умирают, плачут, спаси их, Наапет — ты моя надежда...

Наапет шагнул к старику, взял в свои руки безобразные скрюченные лапы своего крестного, склонился, поцеловал их и зарыдал впервые за все эти годы. Он плакал, захлебываясь, как обиженный насмерть ребенок, не замечая, что кругом люди. Он целовал руки безумному Акопу, прикладывая их к своим глазам.

К старику, казалось, вернулся рассудок, он высвободил правую руку, и, прижав к своей груди голову Наапета, сказал:

—Не плачь, мой золотой, не мучь себя, не надо.

Антарам, Апро и сбежавшиеся на крик соседи окаменели от удивления — старик говорил спокойным тихим голосом.

— Что было, то прошло, сыночек. Забудь свое горе. Ступай туда, где ты живешь теперь, посади в землю эти семена и пусть растет артаметская яблоня как память об артаметской земле во веки веков — всегда...

Сказав это, он помолчал немного, потом повернулся и зашагал к полю. Шел он легким быстрым шагом, отшвыривая палкой с дороги щебень. Уже издали он обернулся и крикнул:

— Пойду помолюсь в святом Эчмиадзине за души мучеников... Не забудь поливать деревья, Наапет...

Он зашагал еще быстрее и больше ни разу не оглянулся. Далеко на открытой равнине виднелись купола Эчмиадзинского собора, за ними высились вершины Арарата, и небо над головой было синее и бездонное.

Наапет смотрел вслед крестному до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Потом все вошли в дом и сели обедать, но Наапету кусок не шел в горло. Самый старший и уважаемый в Артамете человек был крестный Акоп. Часто в глубоком раздумье бродил он по берегу Ванского моря, заложив руки за спину. Он любил, перебирая четки, беседовать с друзьями и гостями, усадив их на дорогих коврах; курил он всегда отменный шамзиранский табак; помахивая в воздухе пестрым платком, тяжело, грузно плясал; вел за собой хоровод, как верблюд вожак ведет караван. Добрый человек был, чужим горем мучился, чужой радости, как своей, радовался, новорожденных крестил, благословлял обрученных, говорил слова напутствия уходящим в странствие, ласковыми словами встречал вернувшихся с чужбины, помогал всем, с кем беда случалась, дурных людей избегал, хороших в дом приглашал, щедро угощал — вот какой был крестный Акоп.

— Наапет, брат мой, чего ж ты не ешь ничего, сестру обижаешь, —просила Антарам и сердито косилась на мужа — как он не уберег Наапета от встречи с крестным. Кто-кто, а уж он-то хорошо знал, что, если Наапет увидит крестного, вся печаль снова поднимется со дна души. Ах, чего-чего не навидался ее бедный, горемычный брат, чего только не вынесло его измученное, истерзанное сердце.

Апро, Антарам и Наапет сидели у тонира; все думали об одном — о разрушенном крове, о погибших родных, и опять всем вспомнился крестный Акоп, отправившийся в Эчмиадзин молиться за души усопших артаметских мучеников. Акоп часто спускался в долину, пропадал там неделю-другую, потом возвращался, оживленный и довольный, уверенный, что молитвы его из Эчмиадзинского храма прямиком пошли на небо и обеспечили рай душам всех мучеников.

— Собирай Наапета и Нубар в дорогу, — сказала Антарам мужу, — не сегодня-завтра крестный из Эчмиадзина вернется, неладно будет.

Еще два дня прожил Наапет в доме Апро. У него и здесь уже завелась привычка: он спускался к скалистому краю ущелья, садился против старой часовенки и курил. Или же с Апро вместе вскапывал грядки в его саду, разрыхлял землю. Он оглядывался кругом и видел равнину, одну равнину в голубоватой прозрачной дымке, и в ушах его неотступно звучал голос крестного Акопа.

Антарам последние три дня за стол садилась с мужчинами, чтобы приучить к этому Нубар. Последние три дня Нубар проводила в доме Апро, но Наапет еще

не слышал ее голоса. Ночью женщины, захватив Норайра, уходили спать к Нубар и утром чуть свет возвращались. Наапет и Апро спали у тонира.

— Ну, Наапет мой, завтра на заре отправляем вас с Нубар в дорогу, — сказала Антарам вечером. — Апро телегу достал, поедете.

Наапет кивнул в знак согласия. Нубар стояла рядом с Антарам, скрестив руки на груди, высокая, стройная, с обветренным, загорелым лицом и синими глазами, в которых всегда были невыплаканные слезы.

Апро и Норайра дома не было.

— Брата ненаглядного тебе отдаю, — сказала Антарам, обнимая Нубар. — Много ему горя в жизни выпало. Да и тебе тоже, моя родная. Вы, наверно, хорошо друг друга поймете.

Нубар, опустив голову, покорно слушала Антарам.

Со двора донесся голос Апро. Антарам вышла. Наапет с Нубар остались в комнате одни. Растерялись оба. Наапет вспомнил, как в первый раз он остался один на один с Манушак после семи дней и семи ночей свадьбы; он обнял ее, молодую, гибкую, поцеловал в темные глаза и поклялся всю жизнь любить ее одну. А что сказать теперь этой несчастной Нубар, которая молча стоит посреди комнаты. Тридцать лет назад была любовь, была надежда, и слова были горячие, нежные. Бедная, бедная Нубар, бедный он — оба осиротевшие, обоих бы кто пожалел.

— Садись, Нубар, — тихо сказал он. — Наверное, такая наша судьба, видно, бог так пожелал, а наш долг повиноваться ему, садись, Нубар.

Он встал и протянул ей руку.

— Сядь, Нубар... Когда две такие души рядом — им легче должно быть...

Нубар присела на краешек тахты.

— Не мы первые, не мы последние... — заговорил снова Наапет, садясь рядом с Нубар,— турок говорит в таких случаях: «Гитты гюль, гитты бюль-бюль, истерагла, истер гюль»[1], будь проклят турок, но благословенно его слово, турок всегда говорит справедливо, но душа у него лживая и дела преступные и низкие... да, прошлого не воротишь, сколько ни бейся головой о камень, сколько слез ни проливай... так оно...

Войдя в комнату, Антарам глазам не поверила, — Наапет и Нубар сидели рядом и тихо беседовали, — Антарам так и замерла на месте, потом вытерла слезы краем передника:

— Слава тебе, господи, доброта твоя бесконечна...

Нубар растерялась, вскочила, снова сложила руки на груди и потупилась. Антарам подошла к ней, развела ей руки и ласково взяла за подбородок:

— Никогда больше руки так крестом не складывай, Нубар, и голову не опускай. С этого дня Наапет хозяин твой и заступник...

Наапет чуть заметно кивал, выражая этим свое согласие с сестрой.

— Справедливо говорит Антарам, верно говорит, слушай ее, Нубар...

---

[1] Завял цветок, улетел соловей — хочешь плачь, хочешь смейся.

6

В небе еще горели звезды, когда Апро запряг в маленькую двухколесную телегу двух крепких бычков, бросил на дно телеги несколько охапок сена, положил узелок с вещами Нубар и попросил Наапета с Нубар сесть.

Антарам обняла и расцеловала сначала Наапета, потом Нубар и еще раз повторила:

— Брата своего тебе отдаю, Нубар, смотри за ним хорошо...

Нубар с Наапетом уселись на копне сена рядышком, и Апро, устроившись на облучке, гибким прутом стегнул быков.

— Го-о-о, тронулись!..

Сильные, молодые быки легко тронулись с места.

Антарам и Норайр долго смотрели им вслед. С высоких склонов Арагаца дул утренний холодный ветер, медленно начинал багроветь восток. Гулко постукивали колеса по каменистой дороге.

Выехав из деревни, Апро передал прут Наапету и соскочил с телеги.

— Ну, Наапет, с богом, пусть будет союз ваш прочным, дорога доброй. Сегодня и завтра дела у меня, дня через два прибуду за телегой и быками. Счастливого пути вам, аминь...

Наапет взмахнул прутом. И снова быки рванулись, понесли телегу, как на крыльях.

Нубар сидела в телеге, закутавшись в старую шаль, и молча глядела вперед. На вершинах гор играли отблески солнечных лучей, а поля еще спали в тени. Нубар была в каком-то оцепенении, ей казалось, что она во сне, что это Мушег, ее муж, везет ее в церковь святого Карапета... Когда умер их первенец, они дали обет принести жертву святому Карапету, а осенью связали ножки двум барашкам, закинули их в телегу и рано утром двинулись в сторону Муша, где была церковь... Она сидела вот так же, как теперь, в телеге, а слева и справа от нее лежали барашки, они жалобно блеяли, и Нубар гладила их головы. Мушег поводил лозой в воздухе, но быков не касался, они и без того бежали быстро и согласно. Нубар видела спину Мушега, его широкие плечи, крепкий затылок. Он тихо напевал какую-то песню, иногда прерывал ее и обращался через плечо к Нубар:

— Если господь примет нашу жертву, Нубар, и наградит нас ребенком, бархатное платье красивое тебе куплю, в Стамбул на заработки поеду, вернусь, много денег с собой привезу, подарков богатых навезу, чтоб жила ты у меня, как настоящая ханум. Я на свете для тебя живу, Нубар моя. Нет у меня другой радости, кроме тебя...

Мушег все говорил, говорил, весело бежали быки, и сердце у Нубар заходилось от радости. О, хоть бы смилостивился бог, и подарила бы она Мушегу сына, больше ей ничего не надо, ни денег, ни бархатного платья. Будет она ходить в старом ситцевом платье, есть одну пустую похлебку на воде — не отпустит она Мушега никуда, ни в Муш, ни в Битлис, ни в Арзрум, ни в Стамбул. А Мушег погонял быков и пел свою песню:

Поеду в Стамбул, денег заработаю,
Куплю для любимой пару сапожек, самых красивых...

— Нубар, бог примет нашу жертву, мне сон хороший снился...

Какой прекрасный сон приснился Мушегу! Он рассказывал свой сон Нубар, телега, весело постукивая по камням, двигалась вперед, вдали сверкала Сипан-гора, справа плескалось о высокий берег Ванское море...

Нубар закрывала глаза, и ей казалось — она едет на жертвоприношение, впереди сидит Мушег, рядом блеют барашки и где-то близко шумит, бьется о берег Ванское море....

Нубар очнулась, открыла глаза, солнечные блики играли на спине Наапета. Наапет обернулся к Нубар, и лицо у нее вспыхнуло от смущения, запылало:

— Холодно, Нубар, не простынь...

Какое доброе лицо было в эту минуту у Наапета. Глаза добрые и голос хороший.

Он снял с себя старый изношенный пиджак:

— Накинь на себя. Возьми, Нубар, ветер холодный с гор подул...

Нубар застеснялась:

— Ничего мне не сделается, — и легонько оттолкнула пиджак, — лучше сам надень.

Наапет накинул пиджак ей на плечи, потом повернулся к быкам — свистнул в воздухе прут.

— Го-о-о, милые...

Нубар смотрела на Наапета — со спины он казался ей молодым. Солнце начинало пригревать, день занимался погожий.

— Какой день выдался сегодня, — Наапет посмотрел на чистое, ясное небо, и, помолчав минуту, добавил, — бог добрым оком на нас смотрит...

Нубар слушала и не отзывалась. Наапет добрый, думала она, добрый и заботливый, как отец. И Мушег был к ней добр, но по-другому. Мушег был ей не как отец, а как брат, даже лицом Мушег напоминал брата Нубар. Когда Мушег с Нубар проходили по улицам Вана, люди думали — брат с сестрой идут. Мушег мечтал о сыне. И родился сын — назвали его Корюн[1]. Мой сын, говорил Мушег, отважным станет, бесстрашным, имя свое оправдает. И двух лет не было Корюну, — заболел и умер, в одну ночь сгорел ребенок, Мушег так и не узнал о смерти сына. Хорошо, что не узнал. Мушег сражался в это время на баррикадах вместе с остальными защитниками Вана. Корюн умер, а через три дня Нубар принесли тело убитого Мушега...

Наапет еще раз обернулся к Нубар и оторопел: Нубар передником вытирала слезы.

— Ты плачешь, Нубар? Почему? — сердце у Наапета перевернулось. Нубар не ответила, закрыла лицо ладонями. «О прошлом вспомнила, — подумал Наапет. — Бедная Нубар, сердце у нее сейчас, наверное, кровью обливается. Бедная. А кто не бедный на этой злой, несправедливой земле... Только слезы лить все равно ни к чему», — и сказал вслух, глядя с состраданием на плачущую Нубар:

---

[1] Корюн — львенок (арм.).

— Слезы не помогут, Нубар. Прошлого не воротишь... А слезы. Они горькие, соленые, рану еще больше растравят... Не плачь, Нубар...

Но Нубар не могла унять слез, а слова Наапета только больше растравили ее боль. Она заплакала еще сильнее, вздрагивая всем телом, не отнимая передника от глаз.

— Хочешь, Нубар, остановлю телегу? Сядем рядом и будем плакать до ночи. И чего мы добьемся? Видишь те огромные камни, глыбы те видишь? Мир, как те камни, от слез твоих мягче не станет...

Нубар вытерла слезы, отняла передник от глаз, взглянула в сторону далеких гор. Лицо ее было печально. Быки шли медленно, казалось, им передалась человеческая печаль.

Утренний туман рассеивался, равнины и склоны гор, земля и камни, — все постепенно согревалось солнцем.

Наапет опустил голову, невесело было ему. Может, Нубар сожалеет, думал он, может, раскаивается, что едет с ним...

— Стегни быков, Наапет, не идут совсем — шепнула Нубар, в первый раз назвав его по имени и впервые подняв на него большие, синие, полные слез глаза.

Наапет взмахнул прутом, но не ударил быков — так и Мушег делал, когда вез ее в церковь святого Карапета.

Быки вздрогнули и пошли быстрее. «Сердечная женщина, — думал Наапет, — чистая, честная, раз любовь свою не забывает». И опять ему вспомнилась Манушак. Манушак была такая же высокая и статная, но Манушак была красивее Нубар и моложе, «глаза ее, как два солнышка светились, голос, как ручеек, звенел, и прохладой веяло, когда она проходила рядом». И Наапету показалось, — за спиной у него Манушак сидит, а дети, Жирайр и Грайр, на руках у нее, дети зажмурили глазенки, прищурились от солнца и воркуют, как голуби. Манушак вынула грудь, чтобы покормить детей и просит тихо Наапета:

— Стегни быков, Наапет, не оборачивайся ко мне.

Они едут по узкой колее, между маленьким арцкенским озерцом и Ванским морем. Над морем с криком носятся чайки, ибисы, покружив над головой, внезапно повисают в воздухе, далеко в небе плывут журавлиные стаи, в теплые края летят, в Багдад, Алеппо, в страны Мсра Мелика[1]. Наапет везет Манушак в Арцке, в отчий дом. Телега доверху полна яблок, и между торчащими кольями тоже корзины с яблоками. Запах яблок плывет вместе с ними по берегу моря, по цветущим полям, заплывает в ущелье, поднимается на вершины гор, и от самого Артамета до Арцке тянется за ними, свежий, душистый. Но яблоки ли это пахнут или сама Манушак? От Манушак всегда пахло яблоками, от ее платья и рук, от ее тела и от их постели, от детей и от всего их дома шел тот же запах яблок. Это был запах его молодости, который запомнился на всю жизнь и не давал теперь покоя... «Манушак была, как ангел, — сказал себе Наапет, — подобно ангелу и вознеслась на небо и невинных детей с собой забрала. Царство тебе небесное, Манушак. Если смотришь на меня с неба, если видишь меня, прости, отпусти мне грехи, Манушак.

---

[1] Мсра Мелик — один из героев эпоса «Давид Сасунский».

И бедная Нубар вины не имеет перед тобой. По совету добрых людей и по воле божьей совершили мы этот шаг и да простит твоя святая душа несчастную Нубар, аминь, аминь...».

Наапет молился про себя, Нубар слышала его бормотанье; высоко в небе пели жаворонки, трещали в поле кузнечики, быки шли спокойно, высоко и гордо подняв головы, словно чувствовали, что выполняют сегодня достойное, важное дело.

Путь лежал с востока на запад, вдоль склона Арагаца. Солнце теперь светило слева. Ветер утих. Было покойно и тепло. Показались сады Талиша.

— Может, передохнем немножко, Нубар? Хлеба поедим и быки попасутся. Устали, небось... Что скажешь?..

Нубар пожала плечами и прошептала:

— Тебе виднее, Наапет, сам решай...

Глаза у Наапета потеплели.

— Отдохнем, значит... Го-о-о...

Быки покорно встали. Наапет сошел с телеги.

— Дай руку, Нубар. Спускайся...

Нубар оперлась о его руку и легко спрыгнула на землю. Пока Наапет выпрягал быков, Нубар взяла с подводы охапку соломы и бросила перед быками. Наапет посмотрел на Нубар и подумал: «Не обидел бог ее: ни ростом, ни красотой не обделил».

— Достань еду, Нубар, и нам поесть надо.

Они сели у самого обрыва под большой орешиной. Антарам дала им в дорогу двух вареных кур, сыр, лаваш, несколько штук клоча[1], крутые яйца. Нубар расстелила на земле платок, разложила еду, облупила яйца и придвинула все поближе к Наапету. Наапет отломил от большой курицы обе ножки и протянул их Нубар:

— Ешь, Нубар.

Нубар растерялась. В их краю лучшие куски всегда предлагали мужчинам.

— Не стесняйся, Нубар, ешь, — повторил Наапет.

И от того, что Наапет заметил ее растерянность, она смутилась еще больше. Тогда Наапет взял куриную ножку, отделил мясо, завернул в лаваш и снова протянул Нубар:

— Прошу тебя, Нубар, во имя бога, съешь кусочек.

Нубар взяла пртуч[2] и отвернулась, чтобы Наапет не видел, как она ест.

— Теперь на белом свете мы друг для друга живем, — сказал Наапет, — я для тебя, Нубар, а ты для меня. С этого дня душа моя тебе принадлежит, и это святая правда... И не молодые мы, чтобы друг друга стесняться... Человек не тыщу лет на земле живет. Мне уже пятьдесят третий год. Больше прошло, меньше ос-

---

[1] Клоч — безквасный хлеб, опреснок (арм).
[2] Пртуч — закуска (часто сыр), завернутая в хлеб (лаваш) (арм).

талось. Дай бог нам эту оставшуюся жизнь вместе прожить, дай бог горя не увидеть...

Наапет сворачивал из лаваша маленькие пртучи, протягивал их Нубар, но сам ел неохотно. Он весь был поглощен своими мыслями.

— Посмотри на эту орешину, Нубар. Сколько лет ей, по-твоему, будет? Пятьсот, я думаю, не меньше. На камне растет, корни камень пробили, в землю ушли глубоко... Чего только она не видела, и бури, и молнии, а, смотри, как крепко стоит... Человек тоже таким должен быть, все перетерпеть должен.

Быки, наевшись досыта, мирно лежали рядом и пережевывали жвачку. Они смотрели на Наапета и Нубар своими чистыми, излучающими фиолетовый блеск глазами — молодые, крепкие, полные сил бычки. Потом бычок с белой отметиной на лбу повернул голову к своему приятелю и принялся лизать его красноватый лоб, оставляя на нем влажный, волнистый след.

— Уж на что скотина, — сказал Наапет, — и та ласку понимает.

Нубар взглянула на бычков.

— Пора нам уже, — сказал Наапет, — дорога впереди долгая.

Нубар собрала в узелок оставшуюся еду и пошла помогать Наапету, запрягавшему быков. Наапет подошел к бычку с белой отметиной на лбу, обнял его голову и поцеловал в большие чистые глаза.

— Воистину божья тварь... Красивая да хорошая.

Солнце уж село на вершины гор, когда Наапет и Нубар подъехали к селению на склоне Арагаца. От Талишского ущелья им пришлось проделать немалый путь, быки шли уже через силу, да и Наапет с Нубар порядком устали.

Заходящее солнце щедрыми красками облило землю, и она горела, словно охваченная пламенем; зарево покрыло багрянцем весь небосвод, от горизонта до горизонта.

— Смотри, Нубар, какой закат... — сказал Наапет, — и впрямь сегодня праведный день...

Быки, неведомо почему, стали.

— Отпустим их, — сказал Наапет, — приехали уже, вот наше селение, смотри, Нубар.

Быки вздохнули, освободившись от ярма, потом долго стояли рядом, неподвижные, глядя на закат, напоминавший пожарище.

Наапет и Нубар сели на скалу и молча смотрели на солнце, скрывавшееся за горами. Краски постепенно тускнели, небо стало совсем темным, и вдруг оба заметили, что с неба на них смотрит желтый полумесяц.

— Идем, Наапет, — прошептала Нубар.

— Пускай попасется скотина. Гляди, Нубар, месяц яркий, как в наших краях, и такой же большой... Помнишь, как луна опускалась в наше Ванское море и оттуда озаряла все небо...

Наапет невольно закрыл глаза. И вдруг почудился ему знакомый сладкий запах артаметских яблок.

Они вошли в селение поздно ночью. Все давно спали, и в каждый дом через ердык падал столбик лунного света, в каждом доме был кусочек луны.

Наапет поставил телегу перед своим домом, а быков отвел к Мовсесу в хлев, насыпал им соломы и вернулся.

Нубар сидела у стола, чистила ламповое стекло тряпкой. Она поковыряла иглой фитиль, извлекла его и, достав из своего узелка ножницы, ровно отрезала обгоревшую часть и только тогда зажгла лампу. В комнате сразу стало светло, и даже как будто потеплело.

— Хозяйка в этом доме ты, Нубар, — сказал Наапет, — все, что есть у меня — все твое, а я твой работник. Управляй, как знаешь.

— Главный в доме ты, Наапет, ты хозяин, — возразила Нубар.

— В улье главная матка-пчела, — сказал Наапет.

Они поглядели друг на друга и улыбнулись. И снова Наапету померещилось невозможное, чего никогда не было и не могло быть — ему показалось, что он знает Нубар давно-давно, что сам в люльке качал ее. Когда она маленькой девочкой была — приносил ей жвачку-смолу, красные яблоки дарил. И раскачивал ее на качелях, привязанных к веткам деревьев, и были они близкими, очень близкими родственниками. Потом они долго не виделись, почти забыли друг друга и вот встретились снова. Тогда она маленькой девочкой была, а теперь перед ним взрослая красивая женщина.

— Нубар, как во сне все, не верится, прямо.

Нубар кротко и мягко улыбалась и смотрела на Наапета. Лицо Наапета в эту минуту напомнило ей лик святого с иконы. Глаза такие же темные и глубоко запавшие. «Бедный Наапет, — думала Нубар, — сколько горя на себя принял». И Нубар тоже показалось, перед ней близкий человек, одной с ней крови, они не виделись много лет и вот, наконец, нашли друг друга, и Нубар уже знает — не прожить ему без нее, без ее ласки и заботы не прожить ни дня.

Утром проснулись рано. Наапет принес дров, растопил печку и пошел проведать быков. Нубар перемыла всю посуду, поставила на печку маленький котел с водой. Когда Наапет вернулся — комната сияла чистотой. Нубар готовила завтрак. Сели, позавтракали, поглядели друг на друга.

— Теперь что будем делать? — спросил Наапет. Словно так всегда и заведено было у них, словно всегда они вместе решали, что будут делать.

Наапет достал из кармана завернутые в тряпочку черные зернышки — яблоневые семена, те, что несколько дней назад дал ему крестный Акоп.

— Пойдем, посадим эти зерна, Нубар, место хорошее выберем и будем следить, чтоб ростки пустили...— Наапет с Нубар вышли во двор.

— Вот здесь, думаю, хорошо будет. Я помечу это место, чтоб не растоптать. Где наша лопата? Подай-ка мне ее, Нубар.

Нубар не стала спрашивать, где взять лопату, она молча поискала и нашла.

— Держи, Наапет...

Наапет стал копать землю.

— Эх, крестный, крестный, — заговорил Наапет сам про себя, —мы все вы-

держали страшное испытание, лишь твоя чистая душа воспротивилась... Видишь, Нубар, господь отнял у него разум, да сам-то крестный не все отдал... себе немножко оставил, вот Артамет наш помнит, и зернышки яблоневые припрятал, эх крестный Акоп, как это все так получилось...

Наапет вскопал небольшой кусочек земли, отложил лопату, разогнул спину, посмотрел на Нубар.

— Что с ним теперь будет, Нубар, с несчастным?..

И, помолчав немного, продолжал:

— Хозяин самого хлебосольного дома по чужим дворам побирается. Возьмем его к себе, Нубар, смотреть за ним будем, кормить, что скажешь?

Нубар подумала немного.

— Воля твоя, Наапет, — и прибавила, — верно рассудил, обиженный богом человек, возьмем, жалко...

— Так и сделаем, Нубар... Сколько дней уже не идет он у меня из головы, так и стоит перед глазами, и во сне он ко мне приходит. Пойду, грабли у старика Мовсеса возьму, разрыхлить надо землю, в комках вся... — Мовсес — наш сосед, Нубар, очень хороший человек...

Наапет ушел за граблями. Нубар взяла лопату и принялась копать дальше.

Возвращаясь от Мовсеса, Наапет еще издали увидел, чем Нубар занята.

— Ты что делаешь, Нубар? Положи заступ!..

И, приблизившись, сказал мягко:

— Ты за такие дела не берись, Нубар, для чего же я тогда. Возьми лучше кувшин, воды принеси, ручей во-он там... Идем, покажу тебе, заодно и песку наберу, яблочные зерна песок любят, в песке им лучше. А как росток появится, в землю его пересадим.

Нубар набрала воды из ручья, а Наапет мешок песку. Вернулись, высыпали песок на землю, посадили зернышки в песок на южной солнечной стороне у стены и посыпали сверху землей, смешанной с песком.

Наапет принес из дома оставшиеся кирпичи и выложил их кругом на земле, чтоб не затоптать ненароком ростки, когда те проклюнутся.

Нубар принесла еще кувшин воды.

Подошли старик Мовсес и его жена.

— Нареченная моя,— сказал им Наапет, показывая на Нубар.

Он пригласил соседей в дом, Нубар постелила на стол скатерть, принесла бутыль вина, которую заботливая Антарам дала им в дорогу. Старик Мовсес поднял стакан, благословил их, как полагалось, потом обратился к Нубар:

— Будь благословенно молоко твоей матери, невестушка. Если Апро пожелал вашего союза, значит, сам бог того захотел. Наапет хороший человек, только душа у него измучена, и я так понимаю, что вы друг другу в утешение даны. Птица и та одна не живет, и зверь один не живет, и скотина одна не живет... Сердце мое радуется сегодня, что Наапет отныне не один будет, что бог такую подругу Наапету послал. Тебе с Наапетом доброго здоровья, невестушка, и долгой жизни желаю...

И как только эта весть так быстро облетела всю деревню? Один за другим стали приходить сверстники Наапета. Набрался народу полон дом. Многих Наапет видел впервые, но все они держались с ним как старые и добрые знакомые.

— Меня тоже Наапетом звать, — сказал один крестьянин, — только меня все Нхо кличут. Я очень за тебя рад, братец Наапет, все мы рады, что семья у тебя завелась: когда рядом с твоей хибаркой братец Апро дом построил, — слава богу, сказал я себе, Наапет теперь выживет, уже ничего не случится с ним. Ну, а сейчас и подавно выживешь. Значит, богу так угодно было. За ваше здоровье пью, братец наш Наапет, сестрица Нубар, доброго вам здоровья! И пусть бог вас услышит и свершит все задуманное вами. Братец Наапет, истинную правду тебе говорю — если бог не услышит тебя, такого бога я знать не желаю!

— Куда тебя понесло, как можно говорить так?! — оборвал его старик Мовсес.

— Да, загнул, Нхо, — откликнулись остальные.

— Я верно говорю, — не сдавался Нхо,— ежели не посмотрит бог на Наапета добрым глазом, значит тот бог — турок...

— Совсем рехнулся.. — зашумели крестьяне.

Нхо, все больше распаляясь, продолжал настаивать на своем:

— Ежели бог ятаган турецкий благословил, а плуг армянина проклял — как же мне такому богу молиться? Уж лучше идолу поклоняться, язычником стать! Так и знайте, люди, я теперь Язычник Нхо.

— Совсем очумел Нхо...

— Прости ему, господи...

Нхо помолчал, подождал, пока шум утих.

— Я от своих слов не отрекаюсь... Братец Наапет, сестрица Нубар, пью за ваше здоровье... Тебе, сестрица Нубар, пожелаю, чтоб очаг твой никогда не угас. Чтоб из ердыка вашего всегда дым струился. Чтоб тондир ваш всегда горячий был. Чтоб свет в светильнике вашем всегда вам светил.

— За вас, братец Наапет, сестрица Нубар, — поднял стакан его сосед.

И все снова выпили за здоровье Наапета и Нубар.

До позднего вечера приходили люди. Нубар не садилась ни на минуту, смиренно склонив голову, выслушивала все советы и пожелания, Наапет молча курил, в комнате стоял густой табачный дым. Вечером пришел председатель сельсовета Гукас и еще с порога весело закричал:

— Ну, дядюшка Наапет, предлагал же я тебе землю на двоих? Не соглашался, а теперь что скажешь? Вот возьму и не добавлю вам землицы!

— Как знаешь, уважаемый Гукас, — ответил Наапет.

— Ну, вот ты и поверил! За кого ты меня принимаешь, дядюшка Наапет? Ладно, дай-ка я сначала тебя поздравлю, долгой жизни тебе и нашей новой сестре пожелаю, пусть будет союз ваш прочным. И еще хочу сообщить тебе, дядюшка Наапет, что землю мы тебе отводим за твоей делянкой. А дядюшке Мовсесу в другом месте выделим. А вот он и сам, смотри, как кстати пришел...

Вошел старый мушец Мовсес. Гукас объявил ему о решении сельсовета...

— Справедливо рассудили, — сказал Мовсес. — Для Наапета ничего не жалко.

Гукас сказал, что советская власть пришла бедным и бесправным помогать. Если бы не пришли большевики, — сказал Гукас, — кто знает, что бы с нами турки сделали, скорее всего, не было бы нас уже. Ведь кто против турок дрался? Некому было. Народ с голоду помирал. Армии своей не было, дашнаки отрезали нас от России, помощи ждать неоткуда было. Советская власть спасла нашу армянскую нацию...

— Верно говоришь. — кивал Наапет.

— А ты, дядюшка Мовсес, не согласен со мной? — в шутку спросил Гукас.

— Почему же не согласен, согласен...

— Если деньги нужны будут, дядюшка Наапет, кредит тебе выхлопочем, только скажи. Волов купишь пару или еще чего. —Все тебе даст советская власть, где вторую такую сыщешь!

У Гукаса из-под кителя торчал наган, черные кудри спадали на лоб, озорно блестели темные красивые глаза... Он поднял стакан, выпил с остальными. И опять стал рассказывать о том, какие блага принесла людям советская власть. Если все, что задумал Ленин, сбудется, какая прекрасная жизнь начнется, заживут все без нужды, в равноправии и братстве друг с другом...

Закончив свою речь, Гукас снова обратился к Мовсесу:

— Дядюшка Мовсес, ты у нас всегда правду говоришь, а я давно уже хочу спросить у тебя про одну вещь.

— Спрашивай, не бойся.

— Дядюшка Мовсес, тут чужих нет, тут все свои — скажи, верно, что у хнусского Аво маузер есть? Как бы так сделать, чтобы он его нам сдал?..

— Про то ничего не знаю, Гукас, поклясться могу. Не могу взять греха на душу...

— В земле, говорят, прячет, да ведь сгниет оружие в земле, кому он тогда нужен будет, маузер этот.

«На предательство меня, старика, толкает, — подумал Мовсес, — в сыновья мне годишься, Гукас, а так нехорошо со мной поступаешь, испытываешь, некрасиво...»

— Аво почтенный человек, врать не станет, если говорит нету, значит нет у него этого маузера, так я думаю, Гукас...

Наапету не по душе был этот разговор. Положив перед собой кисет, Наапет курил не переставая и молча смотрел то на Гукаса, то на Мовсеса.

— Ладно, хватит об этом, — сказал Гукас. — Мы сюда дядюшку Наапета поздравить пришли.

— Вот и хорошо, Гукас, — сказал Мовсес, — а то заладил маузер да маузер.

Дело шло к ночи, соседи стали постепенно расходиться. Гукас пообещал зайти утром с землемером и отмерить Наапету новый участок. С лихвой даже грозился отмерить.

— Спасибо тебе, — поклонился Наапет.

Разошлись все и воцарилась, наконец, тишина в доме Наапета. Нубар зажгла лампу, подбросила дров в печку. Светло было. Тепло.

— Не успели посмотреть, как там саженцы, а теперь уже поздно...

— Завтра посмотришь, — сказала Нубар.

— Земли у нас немало будет, Нубар, надо решить, что сажать будем. В здешних краях пшеницу одну и ячмень сеют, ни о чем другом и не слыхали. А мы как сделаем, Нубар, ты как думаешь?

— Твоя воля, Наапет, как захочешь, так и сделаем.

— Я хочу, чтоб тебе по душе было, Нубар.

— Что тебе по душе, Наапет, то и мне.

— Я думаю, надо сады заложить, а пока деревья подрастут, посеем редиску и морковь, лук, перец, котэм[1], тархун[2]. Посмотрим еще, сколько земли дадут...

Тихо было в доме. Нубар и Наапет устали за день от шумных разговоров и поздравлений. Потрескивала печка, распространяя вокруг тепло и дремоту. Наапет выглянул в маленькое окошко, небо было безоблачное, залитое молочным лунным светом. Был конец марта.

— Небо такое ясное, Нубар, — шепнул он. — Как вчера...

Глядя на Нубар, молча сидевшую на тахте, Наапет сказал тем же низким, мягким голосом:

— Устала, Нубар, устала душа моя...

Нубар улыбалась ему.

Председатель сельсовета Гукас сдержал слово. На рассвете он пришел к Наапету с землемером, они отмерили землю, и, вбив несколько колышков, обозначавших границу, Гукас сказал:

— Вот досюдова все твое, дядюшка Наапет, пользуйся на здоровье.

Наапет поблагодарил его и, когда Гукас ушел, прикинул на глаз, сколько земли ему дали.

— Отмерили больше положенного, Нубар...

В тот же день Наапет попросил у Мовсеса соху, вспахал всю землю, а на другой день стал делать грядки. Нубар помогала ему. Наапет попытался было отослать ее в дом, но это оказалось делом невозможным.

— Я грабли возьму, Наапет, мне совсем не трудно будет. Нубар взяла грабли и пошла ровнять землю между грядками. «Ее и не переспоришь», — думал Наапет про Нубар и радовался, что она именно такая, а не другая.

Всю неделю в селе только и разговоров было что о Нубар с Наапетом. Несколько дней подряд все старались как бы ненароком пройти мимо Наапетова дома, доброго утра пожелать и краешком глаза посмотреть на Нубар.

— Видали, отшельник Наапет какую жену себе раздобыл, — говорили пожилые крестьяне, радуясь тому, что и в их возрасте мужчина может жениться на такой молодой и красивой женщине.

---

[1] Котем — кресс-салат (арм).
[2] Тархун — эстрагон (арм.).

— Вон с кого надо пример брать, — говорили они молодым парням, которым резня и война помешали жениться.

— Выходит, не отшельник он был вовсе, только притворялся — сказал кто-то. Но известный драчун и забияка, любитель споров Нхо оборвал его.

— Дурень ты, если б армяне все отшельниками стали, армянской нации давно бы уже не было. Наапет умный человек, он знает, что делает...

— Молодец ты, Наапет из Артамета, бесподобную жену себе нашел, — говорил другой.

И все соглашались:

— Добрая, славная женщина.

А Наапет и Нубар не слышали всех этих разговоров и спокойно занимались своим делом, копали-перекапывали, рыхлили-мотыжили землю, снова рыхлили, снова мотыжили, крошили, дробили, делали ее мелкой и рассыпчатой, как зерно, только что не просеивали. Все старались им помочь, чем могли. Нхо принес кетмень[1], Мовсес отдал свои грабли, а жена Мовсеса подарила Нубар курицу-наседку.

Приходили соседи, становились рядом с Наапетом, курили и с сомнением покачивали головой, не верилось им, что эта скудная земля годится под сад. Если б так оно было, рассуждали они, не росло бы в селе два-три чахлых ивовых прутика.

Днем Наапет с Нубар работали до изнеможения, вечером садились рядышком и решали, что будут делать завтра. Земля вся была разрыхлена, размельчена, готова к севу, к грядкам ручей подведен, в доме и в старой Наапетовой лачуге все чисто прибрано, блестела медная посуда, вымытая с песочком, и глиняные горшки и миски красовались на полке, которую за два вечера смастерил Наапет.

— Нубар домовитая женщина, дай бог ей здоровья, — говорили старухи, которые по любому поводу навещали свою новую соседку.

— Шея, как у гусыни длинная, — посмеивались молодые женщины, — волосы, как у русской, светлые, а ростом до потолка, придется Наапету новый дом себе строить.

— Вы хоть лопните, все равно она лучше вас всех, — заступались за Нубар жена Мовсеса и жена Нхо.

Однако молодые женщины и сами не прочь были познакомиться с новой соседкой и всегда норовили прийти к роднику в одно время с Нубар. Нубар приходила с большим, высоким кувшином на плече, приветливо здоровалась со всеми:

— Утро доброе, соседки.

Иногда спрашивала:

— Кому какой сон снился сегодня, признавайтесь.

Молодые невестки и незамужние девушки смеялись, хлопали друг дружку по плечу и пропускали Нубар без очереди. У родника был один желобок, десять-двенадцать кувшинов одновременно ставились в ряд, ждать приходилось долго. Нубар наполняла свой кувшин, легко вскидывала на плечо и, попрощавшись с

---

[1] Кетмень — точильный камень (тур.).

женщинами, шла прямая, стройная, не сгибаясь под тяжестью, и все смотрели ей вслед.

— Смолоду сводила, наверное, парней с ума, — сказала как-то одна женщина у родника, — с таким ростом, да с такими-то синими глазами...

— А Наапет тоже хоть и не молодой, но видный мужчина, — возразила другая, — они друг другу очень даже подходят.

...Уже две недели прошло, как Нубар с Наапетом приехали в селение, а Апро все еще не было.

— Почему он не едет, как думаешь, Нубар?..

— Работы много, наверное, оттого и не едет.

— Но время-то идет, быки нужны, наверное, хозяину. А, может, запрягу арбу, поеду к ним сам? И саженцев привезу, весна-то кончается. Ты как думаешь?

— Тебе виднее, Наапет, запряги арбу, поезжай...

И они решили, что Наапет на следующий день отправится к Апро в деревню, отдаст быков и заодно саженцев возьмет. Но вечером неожиданно объявился сам Апро. Веселый, как всегда, жизнерадостный, с мешком за плечами, ввалился в дом.

— Здравствуй, старший братец мой Наапет, вечер добрый, почтенная сестрица Нубар. Что же это вы — две недели о вас ни слуху ни духу, мы с Антарам не знали, что и думать, совсем извелись.

— Ты сам обещался за быками приехать, мы тебя поджидали, Апро, — сказал Наапет.

— А мы с Антарам рассудили и решили погодить немножко, чтоб ты землю свою успел вспахать..

— Вспахал уже, — сказал Наапет.

— Вот видишь, — обрадовался Апро, — соображает, значит, Апро. Мы с Антарам когда сойдемся вместе что-нибудь решать — любо-дорого получается. Вдвоем мы — ни дать ни взять Соломон Мудрый. Значит, землю ты уже вспахал, а дальше что собираешься делать?

Наапет рассказал.

— Хорошо придумали, — одобрил Апро. — Но я советую первые два года пшеницу между деревьями сеять, чтобы в хлебе недостатка не было...

Апро с Наапетом вышли посмотреть участок. Обошли его кругом и вернулись домой.

— Сад будет на славу, — радовался Апро, — земли много, видно, с лихвой отмерили. Завтра, как вернусь домой, тут же Норайра к вам отправлю, самые лучшие саженцы пошлю вам, их у меня много.

Нубар расстелила скатерь на курсе[1].

— Молодец, невестка, — оживился Апро. — А то когда я голодный, в животе у меня бурчит...

После обеда Наапет сказал:

— Апро, я и Нубар решение приняли...

---

[1] Курса — приспособление в виде тахты над торней для согревания (турец.).

— Решение, — спросил Апро, — какое?

— Думаем крестного Акопа к себе забрать.

Апро опустил голову.

— Что скажешь, Апро?.. Как вспомню про крестного, все из рук валится. Сколько добра он всем сделал, все мы в долгу перед ним, у нас, я думаю, ему неплохо будет...

Апро долго молчал, потом заговорил и голос у него был непривычно тихий.

— Крестный Акоп недавно приходил к нам... Пришел, сел рядом со мной и говорит: «Передай моему крестнику Наапету — пусть за яблонями хорошо ухаживает. Я ему зернышки наших артаметских яблок дал, все богатство мое... скажи ему — на него одного надеюсь...». Сказал так, потом посмотрел на Антарам, Антарам тут же была, и вдруг как рассердится, как закричит: «Глупая ты женщина, неразумная, почему с одним сыном сидишь, тебе много детей надо рожать». Антарам говорит: «Поздно, крестный Акоп, старые мы уже, стыдно...» «Не поздно, — рассердился блаженный Акоп, — не стыдно, много детей родите, чтоб народ наш жил». Разумно так все говорил, в своем уме вроде был. Но только крестного Акопа мы больше не видели... Ушел он от нас...

— Куда ушел? — с тревогой спросил Наапет.

— Погиб наш крестный. Со скалы бросился... Похоронили на другой день, царство ему небесное...

Нубар подолом вытирала слезы. Наапет встал, вышел из комнаты. Апро вышел за ним.

Наапет курил, прислонившись к стене. Апро подошел к нему, помолчал немного и сказал:

— Смерть для него была спасением, Наапет...

Утром Апро уехал в свое село.

На следующий день и еще несколько дней подряд Наапет, перекинув через ишака две пустые корзины, уходил далеко в поле, забирался в ущелье, к скалам, где паслись отары овец, и набрав полные корзины овечьего помета, возвращался домой. Каждый раз, опорожняя корзины, он садился возле ручья, перебрасывался с Нубар несколькими словами и снова шел в поле.

Наапет уходил, а Нубар вилами равномерно разбрасывала помет, смешивала его со вспаханным размельченным черноземом.

Каждое утро, обходя свои деревца одно за другим, Наапет осторожно дотрагивался до только что проклюнувшихся почек и вздыхал с облегчением. Потом приходил, опускался на корточки перед тем местом, где были высажены яблоневые зернышки крестного Акопа. Однажды утром Нубар услышала взволнованный, срывающийся голос мужа:

— Нубар, — звал он ее, — иди сюда...скорее.

Нубар оставила свои дела, побежала к нему:

— Что случилось, Наапет?

— Смотри, Нубар, проросли семена.

— Благодарим тебя, господи, — прошептала Нубар, — сбылась мечта несчастного Акопа.

— Сбылась, — ответил Наапет.

Приближался май. Утром и вечером село наполнялось блеянием овец и коз, мычанием коров. В полдень отары овец располагались на отдых чуть повыше села, возле скал. Нубар вместе с женой Мовсеса шла туда подоить двух своих овечек, и, вернувшись домой, ставила перед Наапетом кружку свежего овечьего молока.

— Пей, Наапет, — просила она мужа.

— А ты, Нубар?

— Я потом, — говорила Нубар и выходила покормить наседку с цыплятами. Наседка, которую подарила ей жена Мовсеса, уже высидела двадцать цыплят. Двадцать желтеньких пушистых комочков перекатывались по двору Наапета под предводительством шумной, предприимчивой мамаши-квочки.

На саженцах раскрылись маленькие зеленые листочки и поблескивали на солнце. Проходя мимо Наапетова дома, крестьяне видели, как тонкие безжизненные прутики постепенно становились молоденькими весенними деревцами, вот уже и листочки выпустили. Частенько захаживал к Наапету Язычник Нхо. Он усаживался рядом с Наапетом возле его дома, они курили и беседовали о том, о сем. Потом Нхо шел в село и рассказывал:

— Не сыскать на свете второго такого человека, праведный, святой наш Наапет, к чему ни прикоснется — все зацветает, зеленеет... И сам он такой, и жена...

Как-то вечером, утомленные дневной работой и домашними хлопотами, Наапет с Нубар собирались лечь спать. Но Нубар почему-то медлила, словно ждала чего-то. Наапет вопросительно поглядел на нее, Нубар покраснела:

— Одну вещь хочу тебе сказать, Наапет.

— Говори, Нубар.

— Не знаю, как сказать, Наапет. У меня немножко денег было припасено. На черный день. Но слава тебе господи, не увидим мы больше черного дня. Семь лет хранила эти деньги. Возьми их, Наапет, сделай с ними, что хочешь...

И, развернув какой-то узелочек, она вытащила оттуда кусок исписанного старого пергамента, под ним лежало шесть золотых турецких монет...

— Когда мы из нашего села перебрались в Ван, Мушег со всеми мужчинами пошел защищать город... Перед тем как уйти, дал мне их, сказал, возьми, Нубар, это нам на черный день...

Нубар положила монеты на курсу. Наапет молчал. Потом сказал:

— Спрячь их опять, что с ними делать?

— Пойди в Эчмиадзин, потрать их, — сказала Нубар. — Что хочешь, то и делай. Отдай Антарам. Не хочу их больше хранить.

Наапет растерянно улыбался.

— Как положу их за пазуху, словно огонь жгут меня. Возьми, потрать их на что-нибудь, очень прошу тебя, Наапет.

И Наапет отправился в Эчмиадзин. Вернулся через два дня с большим мешком за плечами.

В Эчмиадзине он купил для Нубар две пары белья, две пары ботинок, две синие шали и много всякой всячины, про которую и сам не знал, пригодится в хозяйстве или нет. Нубар растерялась вначале:

— Зачем мне столько? По-твоему, Нубар молодая невестка?..

— Молодая невестка ничуть не лучше Нубар, — сказал Наапет.

Нубар села, начала делить все привезенные Наапетом вещи.

— Эти ботинки — мне, эти — Антарам, это белье — мне, это — Антарам, эта шаль — мне, эта — Антарам... Опять дорога тебе предстоит, Наапет. Надо все это свезти Антарам...

— Отвезем осенью, Нубар, — сказал Наапет.

— Ну тогда я до осени босая ходить буду, ничего не надену.

— Ты только не сердись, Нубар, отвезу, когда скажешь...

Пшеница, посеянная между деревьями, налилась, заколосилась, Нубар с Наапетом собрали ее, обмолотили, насыпали в мешки, потом собрали морковь, редиску, свеклу, а зелень росла все лето, и они заправляли ею спас[1], ели с хлебом, раздавали соседям.

Деревья в саду все принялись. Наапет любил повторять: «Август — главный месяц, в августе точно узнаем, выживут или нет». Но и в августе ночная роса на деревьях и на листьях поблескивала по утрам здоровым зеленым блеском. Крошечные побеги яблонь, проклюнувшиеся из зернышек Акопа, Наапет пересадил в мягкий чернозем.

— В будущем году, — сказал он, — саженцами станут. Может, нам маленький питомник себе завести, Нубар, чтобы всегда были саженцы. Ты как думаешь?

— Ты прав, — согласилась Нубар.

Был уже конец сентября.

Однажды утром Наапет вышел в сад и остановился, пораженный. Молоденькая яблонька, посаженная ранней весной, была усеяна цветами — крошечные чашечки раскрылись и жадно ловили теплое осенее солнце, бледно-фиолетовые тонкие лепестки подрагивали от малейшего движения воздуха. Но где это видано, чтобы яблоня цвела среди осени?

— Нубар, — кликнул Наапет жену, — иди сюда!

Они долго стояли над крошечной яблонькой, долго с улыбкой смотрели на нее.

— Добрый знак для нас, — сказал Наапет, — не погибла б только, надо будет обмотать к зиме тряпками, чтобы не замерзла... До чего же она красивая, Нубар...

В тот же день Наапету суждено было узнать весть еще более радостную. Вечером, когда они уже легли, Нубар взяла мужа за руку:

— Наапет...

— Что, Нубар?

— Хочу тебе тайну открыть, Наапет...

— Говори, Нубар...

Нубар была испугана, или ему казалось? Наапет взял ее руки в свои, сжал их.

—Говори же...

—Мне кажется, у меня будет ребенок, Наапет...

---

[1] Спас — похлебка из кислого молока.

Растерявшись от волнения, Наапет подумал, что ослышался.

— Что ты сказала, Нубар, что ты сказала, повтори еще раз...

Наапет не заснул в эту ночь, а утром встал рано, быстро оделся и, стараясь не шуметь, тихо вышел на улицу.

На востоке сияла денница. Наапет долго смотрел на звезду, потом опустился на колени и трижды поцеловал землю.

9

Ни с чем не сравнима осень на склонах Арагаца — и воздух, и небо до того прозрачны, что расстояния смещаются, все далекое становится близким, и даже горы на горизонте приближаются, подступают, и вот уже кажется — рукой до них можно дотронуться. И Араратская долина, раскинувшаяся между ними, уменьшается, превращается вдруг в узкую полоску.

Наапет трудился на своем участке с утра до вечера и только изредка давал отдых уставшим рукам. Он распрямлялся, окидывал взглядом долину и обступившие ее горы и зачарованно шептал про себя: «Хорошо как». И ему вспоминался родной край — Артамет и Ванское море, Сипан-гора и цветущие луга под Арцке. «Та земля милее была, — вздыхал он и тут же сам себя корил, — грех так думать, и там и тут — всюду наша армянская земля, одно солнце над головой, одна луна... да и наш Эчмиадзин на этой земле...»

В селении все удивлялись Наапету — чем можно заниматься на участке в такую позднюю осеннюю пору? Но Наапет находил себе дело — то надо было уменьшить круг разрыхленной земли у основания саженца, то надо было его увеличить, то концы у веток хоть и самую малость, а подрезать, то удобрение подбросить; Наапет переходил от одного деревца к другому; каждое разглядывал долго, листья осматривал, потом шел к гранатам: «Смотрите мне, — говорил им, — чтобы на будущий год урожай был», — и он представлял огромные буро-красные гранаты на ветках и видел уже, как он срывает их и приносит Нубар: «Сьешь, Нубар, когда женщина ждет ребенка, ей всегда кисленького хочется».

Перед самой зимой Наапет еще раз отправился за покупками в сторону Эчмиадзина и Аштарака, по пути заехал к Апро и Антарам и гостинцев от них привез для Нубар — яблок, груш, гранатов. Антарам самые лучшие для Нубар выбрала. У Апро Наапет взял несколько десятков саженцев. В последнюю минуту Антарам сунула ему в руку какой-то узелок: «Сам не открывай, Наапет, отдай Нубар, она разберется, что к чему». Пять дней Наапет не был дома, а ему казалось — целый месяц прошел. На душе неспокойно было. Не случилось ли чего с Нубар? С того самого дня, как Нубар сказала ему, что ждет ребенка, тревога не отпускала Наапета. По ночам его мучили кошмары, он просыпался и звал жену:

— Нубар, ты не спишь?

— Не сплю, Наапет.

— Почему не спишь?

— Ты заговорил, я и проснулась.

— Ну, спи, спи спокойно...

Днем, работая в саду, Наапет вдруг чувствовал головокружение, в глазах темнело, и чудилось — Нубар с криком падает на землю. Он бежал, задыхаясь, к дому.

— Нубар, Нубар...

На пороге показывалась обеспокоенная Нубар.

— Что с тобой, Наапет, что случилось?

И, увидев, что все в порядке, Наапет говорил как ни в чем не бывало:

— Пить захотелось...

Нубар разводила мацун водой и давала мужу напиться

— Как думаешь, Нубар, не купить ли нам еще пару овечек, пусть всегда у нас будет вдоволь и мацуна, и молока, что скажешь, Нубар? — спрашивал Наапет.

— Воля твоя, — отвечала Нубар.

— Скоро нам много молока понадобится, наших двух овец не хватит.

Через две недели к Мовсесовой отаре прибавились еще две новые овечки, пригнанные Наапетом с Эчмиадзинского базара.

Выпал первый снег.

Все уже догадывались, что у Нубар двойня будет, в селе только об этом и говорили. Когда Наапет уходил куда-нибудь по делу, появлялись Мовсесова старуха и жена Язычника Нхо, часто в сопровождении молодых женщин, они помогали Нубар по дому. Но когда Наапет возвращался, женщины, поклонившись, быстро расходились. А Наапет садился рядом с Нубар, закуривал и тихо беседовал с ней, иногда негромко напевал под нос старые забытые песни. Днем он работал на участке, а вечерами все сидел дома, ни за что не хотел оставлять Нубар одну. Словно боялся чего-то.

— Так нельзя, Наапет, — сказала как-то Нубар. — Ты все со мной да со мной. Сходи в село, с народом посиди, словом живым перекинься, послушай, что другие говорят...

Наапет удивленно смотрел на Нубар.

— Тебя одну оставлю, а сам пойду сказки слушать?

— Я одна не останусь, ко мне соседки придут, будем вязать, разговаривать. А у вас, мужчин, свои разговоры, ступай, Наапет, развейся немножко...

И Наапет стал показываться на селе. Пожилые мужчины, сверстники Наапета, усаживались у стен на солнечной стороне и вели долгие неторопливые беседы о минувших днях и о событиях, заставивших такое количество армян стать беженцами...

Первый снег быстро стаял, но вскоре выпал новый снег и наступили настоящие холода. Мужчины стали собираться в доме старика Мовсеса. Они усаживались на полу на кошмах или на циновках, курили-дымили без конца и по очереди рассказывали разные истории, кто какие знал. Старик Мовсес особенно любил рассказывать о Роднике-Серобе, сразившемся с Арабо, о паше Слепом Гусейне, грабившем армянские селения, о беке Муртуле из Мокаца, всюду со своими конниками настигавшем разбойников-курдов. Вначале Наапет только слушал, но потом и ему захотелось рассказать всем про сражение возле Барката и Арена, про то, как однажды, пе-

ребив отряд турок, армяне оставили на вершине горы тело одного бинпаши, на самом высоком утесе, чтобы знали аскеры, что армяне за себя постоять умеют.

— Когда перед Баркатом появились парусники с турками, — рассказывал Наапет, — армяне с оружием напали на них... Сколько добра нашего награбленного везли, не счесть — и золото, и украшения, и посуда всякая, одежда, постель... Думали все это поделить между собой, только никому из них ничего не досталось, все в море ушло. Перебили мы этих аскеров и на их парусниках поплыли к Вану, спаслись... Где оружие было припятано, там армяне большей частью спасались, где не было оружия — погибали...

Старики слушали Наапета серьезно и уважительно. Они уже знали, через какие испытания ему пришлось пройти, сколько близких он потерял, сколько смертей навидался. Но кому же из них не выпало страданий на долю. Рассказчики сменяли один другого, и не было конца рассказам, и успокоение не наступало, и боль сердечная не проходила.

Иногда на огонек заглядывали председатель Гукас и секретарь партячейки Арутюн. В селе было всего три коммуниста — Гукас, Арутюн и Каро, младший брат Язычника Нхо — все трое были из тех же краев, говорили на одном и том же диалекте; Каро был робкий, боялся своего брата Нхо и ни во что не вмешивался; а председатель Гукас чувствовал себя властью на селе, всем старался помочь. Одно только омрачало жизнь председателя — у него не было маузера. В который раз уже вызывал он к себе в контору хнусца Аво и уговаривал его принести и сдать свой маузер.

— Чем хочешь тебе поклянусь — небом и землей —нет у меня маузера, — выходил из себя Аво, заверяя председателя Гукаса, — продал в голодный год, чтобы детей прокормить!

— Тогда скажи, у кого есть, — не отставал от Аво Гукас, — свой не хочешь отдавать, скажи, у кого еще есть?..

—Небом клянусь, землей клянусь — не знаю! Откуда же мне знать, у кого он может быть...

Гукасу становилось грустно, он давно мечтал о маузере.

Ячейка-Арутюн о маузере не думал. Он получал в конвертах приказы и постановления из центра, отвечал на них, рассказывал крестьянам о Ленине, приходил послушать,как крестьяне рассказывают о резне и погромах. Односельчане считали Арутюна образованным человеком, потому что он пять лет проучился в эрзерумской школе Санасаряна. Вначале его называли Ученый Арутюн, потом стали называть Секретарь Арутюн, но окончательно за ним закрепилось прозвище Ячейка-Арутюн. Это прозвище казалось крестьянам более внушительным.

Речь Ячейки-Арутюна была пересыпана словечками и оборотами древнеармянского языка — грабара и потому его называли также Грабар-Арут.

И Гукас, и Арутюн относились к Наапету хорошо. Они несколько раз предлагали ему в кредит деньги, чтобы он корову себе купил, но Наапет не хотел брать, отказывался всякий раз, боялся, что не сможет вернуть ссуду. Весной в сельсовете ему выделили инвентарь и семена для посева.Словом, этот самый председатель и Ячейка были неплохими людьми, одно только не нравилось Наапету, что Гукас покоя никому не дает, все допытывается, у кого есть спрятанное оружие.

«И на что ему сдался этот маузер, — думал Наапет, — сам говорит — не будет больше войны, резни не будет, при советской власти живем, советская власть за свободу, зачем ему, спрашивается, маузер».

Стояла глубокая зима, крестьяне по-прежнему собирались в домах, коротали вечера. Главным рассказчиком в доме Мовсеса теперь был Наапет. Он уже чувствовал себя свободно среди этих людей. Несколько вечеров подряд он рассказывал им о славном сасунском роде, о сасунских Санасаре и Багдасаре, Мгере Старшем и Давиде, о красавице Хандут и маленьком Давиде[1]. И беженцы из Сасуна слушали и диву давались, откуда этот артаметец так хорошо знает их историю, знает названия их оврагов и гор, а про марутскую церковь рассказывает так, будто сам в ней бывал. Когда рассказ о славном сасунском роде был закончен, Наапет перешел к истории о Мамэ и Зинэ[2]. А Нубар проводила вечера с женщинами в тондырной комнате. Они вязали чулки и шали, болтали о том, о сем.

Расходились поздно ночью. Дома Нубар и Наапет растапливали железную печурку, садились к ней поближе, радуясь, что наконец остались одни.

— Сколько еще ждать осталось, Нубар?

— Сегодня он снова шевельнулся, вот здесь, под самым сердцем. Беспокойный мальчик, шалун будет, видно...

— С чего ты взяла, что мальчик, — смеялся Наапет, — а может, это девочка?

— Мальчик, — убежденно повторяла Нубар. — Наапет, если родится сын, давай назовем его Жирайр, именем твоего первенца. Если девочка — Цовинар, как доченьку мою... и года не прожила на земле, отлетела душа ангельская...

— Пусть господь сам решает, сына или дочь нам послать, я на все согласен, — сказал Наапет.

— А я сына хочу, Наапет, чтоб твой род продолжался, чтобы тебе утешение было в твоей жизни...

Наапет, взволнованный, долго не мог овладеть собою, потом тихо сказал:

— Спасибо тебе, Нубар, и богу спасибо, что тебя мне послал — все теперь есть у меня, ничего больше не прошу у господа...

Вся зима прошла в разговорах и посиделках. Наапет так привык к односельчанам, что не мог и дня прожить без того, чтобы не перекинуться словцом с соседями. Ему казалось — просиди он день у себя дома, в мире произойдут важнейшие события, и он о них не узнает. Ячейка-Арутюн почти каждый день читал крестьянам газеты, объясняя непонятные места. Ленин болен, — рассказывал он, — а вот станет ему получше — пойдет по всей стране, чтобы увидеть, как народ живет, как землю между людьми поделили, по справедливости или может обидели кого — нечестных накажет и так сделает, чтобы не было в нашей стране бедных и голодных. Англичане, — рассказывал Арутюн, — и другие большие державы сожрать хотели наше государство, да не по силам им такое оказалось, а нынче обрадовались, что Ленин за-

---

[1] Санасар и Багдасар, Мгер Старший, Давид, красавица Хандут, Маленький Давид — герои армянского эпоса «Давид Сасунский».

[2] Мамэ и Зинэ — герои курдского эпоса.

болел, но все равно трудовой народ ихний с нами заодно, все письма пишут Ленину, скорейшего выздоровления желают, чтобы снова к делам вернулся, чтобы им всем помог...

Наапет возвращался домой и все услышанное рассказывал Нубар, рассказывал по-своему, как сам это чувствовал и понимал.

— Эх, вот бы Ленин лет на сорок раньше появился, не видел бы наш народ столько горя, и собаки эти, Султан Гамид, Энвер и Талаат не загубили бы столько жизней...

— Теперь бы армян в пять раз больше было, если бы не резня... — продолжал Наапет. — Реки красные были от армянской крови, ущелья доверху полны трупов...

Наапет затягивался глубоко, и уже было непонятно, к кому он обращался — к Нубар или самому себе.

— Но армянский народ выносливый, крепкий, как камень, как море, неиссякаемый... Отчего армянский народ такой, как ты думаешь, Нубар?

Нубар пожимала плечами, а Наапет продолжал:

— Потому, что этот народ справедливый, с чистым сердцем, трудолюбивый и праведный, он любит жизнь и не любит смерть, такой народ даже если смерть примет — воскреснет, и даже если останется от него горстка, все равно выживет, и один станет сотней, а сотни тысячей...

Нубар любила, когда Наапет разглагольствовал. Наапет слыл в селе умным человеком, Нубар радовалась этому и сама каждое слово мужа почитала за мудрость.

Зима была на исходе. Робко, несмело проглядывала весна — она впервые показалась в феврале, сверкнула и спряталась. Но вот опять появилась и теперь-то уж останется, никуда не уйдет до самого лета. Девятого марта возвращаются в свои гнезда аисты.

...Вдоль дороги, идущей из Артамета в Ван, стояли четыре тополя. Пройдешь вечером восьмого марта мимо этих тополей — гнезда аистов еще пустые, на следующий день возвращаешься и видишь, в гнездах сидят аистихи, а самцы стоят рядом на одной ноге, словно приветствуют прохожих. На карнизах домов заливаются, чирикают воробьи и обновляют свои гнезда, носятся в воздухе быстрокрылые ласточки. А на склоны Арагаца весна приходит поздно.

Наапет стал реже появляться на людях, а вскоре и вовсе перестал выходить в село, все с хозяйством возился; овцы окотились все четыре, одна даже двойню принесла; Наапет готовился к севу, весь в хлопотах был, минуты покоя не знал. Приближались роды Нубар. Наапет то и дело заходил в дом, посмотреть, как она. Стоило Нубар сказать слово, позвать его — Наапет был тут как тут.

— Что, Нубар, что, душа моя, что мне для тебя сделать?

Он купил два фунта сахару и каждый день поил Нубар сладким чаем. Нубар сердилась на него, ей неловко было, что Наапет не мужским делом занят, прислуживает ей.

— Это я должна за тобой ухаживать, Наапет, а не ты за мной, стыдно мне.

— Стыдно, если ты станешь мучиться, — говорил Наапет, — тебе осторожной сейчас надо быть, беречься.

И вот однажды ночью Нубар окликнула Наапета. Наапет, встревоженный, вскочил с постели.

— Что, Нубар, плохо тебе?

— Оденься, Наапет, сходи за Мариам.

— Мариам не повитуха, поймет ли?

— Иди, Наапет, иди скорее, лампу только зажги...

Наапет зажег лампу и выбежал из дому. Холодный утренний ветерок остудил лицо. Во всех дворах, ближних и дальних, будто сговорившись, петухи драли горло, возвещая наступление нового утра.

Мовсес уже был на ногах, с большой корзиной в руках шел задать корма скотине.

— Братец Наапет? — удивился он. — Не иначе с вестью идешь. С доброй ли?

— С доброй... Пускай сестрица Мариам сейчас же к нам идет.

— Слава тебе господи, — пробормотал Мовсес и побежал в дом, — сейчас скажу.

А Наапет заторопился обратно и еще с порога крикнул Нубар:

— Сейчас придет Мариам! А может, и жену Нхо пойти позвать?

— Не надо, — прошептала Нубар, — все село сбежится...

Но не прошло и минуты — в комнату вошли старуха и жена Нхо, прозванная в селе Шальная Варсо.

— Тебе уйти нужно, братец Наапет, — сразу же распорядилась жена Нхо, резкая и решительная, как и ее муж, и такая же смелая в обращении с людьми. — Здесь тебе делать нечего, мы тебя, когда надо будет, позовем, ты ступай, угощенье нам готовь...

Наапет вышел из дому. Утро уже розовело, село наполнилось голосами.

Наапет не находил себе места, он покрутился около дома и не выдержал, пошел к саженцам, хотел было взять заступ, что-нибудь поделать — руки не слушались. На небе показалось солнце, и было оно теплое, ясное, и Наапет вдруг сразу успокоился.

Но почему его так долго не зовут? Почему так долго тянутся роды? У Манушак только начинались схватки — через полчаса уже все бывало позади. Может, что-нибудь случилось? Наапету стало не по себе. Страх пронзил сердце, проник в каждую жилку, кишки скрутило словно от боли, все большое тело Наапета затряслось, как в лихорадке.

Со стороны своего дома показался старик Мовсес. Он подошел к Наапету и сразу понял, что с ним сейчас творится.

— Ну, добрый сегодня выдался денек, — заговорил он спокойно, будничным голосом. — Давай с тобой сядем, покурим... — и присел на камень. — Из живого родника, Наапет, вода никогда не перестанет идти. Ежели кто попытается родник высушить — того бог проклянет, а роднику ничего не сделается. Твоя жизнь, Наапет, как родник тот, исток, что был закрыт, теперь открылся...

Наапет уже не слушал, что говорит Мовсес, а Мовсес заводил новую поучительную историю, которая, по его мнению, очень подходила к случаю.

— Братец Мовсес, давай какую-нибудь женщину пошлем в дом — пусть узнает, как твоя невестка.

Под «твоей невесткой» подразумевалась Нубар. В краю Наапета не было принято называть жену по имени в присутствии чужого человека.

— Неспокойно мне, братец Мовсес.

И тогда Мовсес кликнул жену старшего своего сына и послал ее узнать, как Нубар.

— И что ты так тревожишься, Наапет, женщина и боль перенесет, и ребенка родит и ничего с ней не сделается.

— Слишком много несчастий я навидался, более не вынесу, братец Мовсес.

На пороге Наапетова дома показалась невестка Мовсеса, а за ней Шальная Варсо. Варсо крикнула: — Ну, брат Наапет, пляши, Нубар родила тебе беленького крепыша...

У Наапета потемнело в глазах, голова закружилась и он упал бы, если бы не ухватился за стену.

— Слава тебе господи, — прошептал Мовсес.

Варсо опять побежала в дом. Наапет кинулся за ней. Но дверь изнутри была заперта. Он услышал крик новорожденного, и, не помня себя, отчаянно заколотил в дверь кулаком.

— Откройте!.. это я, Наапет.

— Терпения наберись, братец, — откликнулась изнутри Варсо, — Нубар тебе еще одного собирается родить, двойня у вас, двойня...

Наапет растерялся. Неужто господь может так расщедриться и ниспослать человеку столько счастья. И если положено ему было счастье на земле, отчего в первый раз господь отобрал его?

Видя, что Наапет весь извелся, а женщины все еще не пускают его к Нубар, старик Мовсес увел Наапета к себе. Он достал бутыль водки, наполнил два стакана, и проговорил торжественно:

— Теперь, Наапет, ты не один на свете, теперь у тебя целое семейство, пью за тебя и за твой род, за твое потомство, Наапет...

Спустя некоторое время кто-то прибежал и сказал, что родился второй ребенок — девочка.

Наапета позвали в дом. После яркого дневного света Наапет не сразу привык к полумраку комнаты — предметы сливались в одно большое темное пятно. Потом он увидел Мариам и Варсо, которые, скрестив руки на груди, стояли у стены и смотрели на Наапета. Он медленно подошел к постели Нубар. Справа и слева от нее лежали уже запеленатые младенцы — новорожденное потомство Наапета. Нубар смотрела на мужа и улыбалась. Лицо ее было бледным, глаза мягко светились.

— Наапет... — позвала Нубар, — Наапет...

Наапет опустился на колени перед ее постелью и поцеловал Нубар. Потом достал из-под одеяла ее руки, соединил их вместе и прикрыл ими свои глаза.

Мариам и Варсо с улыбкой переглянулись. Потом Варсо не выдержала:

— На своих русских деток погляди, что же ты!

Наапет поднялся, Варсо и Мариам поднесли к нему младенцев, приоткрыли им лица. Оба новорожденных были маленькие, беленькие, и нельзя было понять, кто из них мальчик, кто девочка.

— А не проезжали тут часом русские солдатики, в кого бы это детки твои такие беленькие, старший братец? — Варсо смеялась, а Мариам толкала ее в бок и приговаривала:

— Постыдилась бы, Варсо, вот уж правда шальная, ну что люди подумают, что ты мелешь?

Наапет смотрел на близнецов с таким любопытством, будто впервые в жизни видел новорожденных.

— На Нубар похожи, — сказала старуха Мариам.

— Нет, на русского солдата, — не унималась Варсо. — А имена детям придумал, бедолага, как детей-то своих назовешь? — спросила Варсо. (Она всех, кроме сасунцев и мушцев, называла бедолагами. Беженцы из Вана, Шатаха, Мокса и других районов Турецкой Армении — все они были для нее бедолагами).

— Имена Нубар придумала, — сказал Наапет, — мальчика Жирайром назовем, девочку — Цовинар...

— Поздравляем, славные имена...

Наапет передал детей женщинам и вышел из комнаты.

Через некоторое время он вернулся с корзиной, сплетенной им самим из ивовых лоз, в корзине было четыре ярко-красных граната и несколько яблок, припрятанных с осени.

— Это тебе, сестрица Мариам, а это тебе, сестрица Варсо, а большой магарыч после... А это роженице нашей...

Он поделил яблоки между Мариам и Варсо, а гранаты оставил для Нубар.

Потом принес широкую миску и стал чистить гранаты. Сверкающие красные зернышки рассыпались в миске.

— Поешь, Нубар, хороший гранат, кислый.

Но Нубар было трудно повернуться, и Наапет взял ложку и стал кормить ее сам. Мариам и Варсо с удивлением смотрели, как хлопотал около жены этот немолодой мужчина. Такого им еще не приходилось видеть.

— Видали, как с женой обходится, — сказала Варсо, — цену ей понимает, не то, что наши дурни, наши-то и близко к роженице не подойдут, пока та с постели не встанет...

Варсо ушла и вскоре вернулась с большой закрытой сковородкой в руках, хавиц[1] для Нубар принесла. Сковородка была обернута тряпкой, чтобы еда не остыла. Потом старуха Мариам принесла яичницу. До вечера не уходили Варсо и Мариам. Вечером пришел старик Мовсес, вызвал Наапета за дверь и сказал:

— Ты сегодня у нас поспи, Наапет, а Мариам останется с Нубар...

— Нет, я дома останусь, а понадобится, кликну сестрицу Мариам, — не согласился Наапет.

Хавиц — густая каша из жареной пшеничной муки.

— Доброй ночи, братец Наапет, — сказала Варсо, — про магарыч не забудь, а то приду и Цовинар унесу вместо магарыча. Уж как мы просили бога, не послал он нам дочку, так что заберу я вашу Цовинар, а Нубар пускай еще раз родит. Жена у тебя такая, что пятерых родит и не пикнет.

— Выдумщица. Вроде своего мужа, — сказал Наапет, когда дверь за Варсо закрылась — катился кувшин и крышку себе под стать нашел...

— Варсо — храбрая женщина, — возразил Мовсес, — с винтовкой в руках рядом с Нхо против турок и курдов, как мужчина, билась. Не Варсо, а огонь сущий. Кто ее не знает, может плохо о ней подумать. А Варсо даже вожаком была в отряде фидаи[1].

Всю ночь Наапет не спал. От малейшего шороха вздрагивал, кидался к люльке с младенцами. Керосиновая лампа всю ночь горела на столе.

— Спи, Наапет, не мучь себя, — просила Нубар.

Иногда дети плакали, он вскакивал, брал их на руки и носил по комнате. И вспоминались ему старые, давно позабытые песни, и он тихо, чтобы не разбудить Нубар, напевал им.

— Наапет, эту песню я помню, слова только позабыла, — сказала вдруг Нубар, — спой мне ее тихонечко, Наапет.

И Наапет запел тихо-тихо:

Я был сухим деревцем,
Ты весенним солнышком...

— И как это ты помнишь, Наапет, — сказала Нубар и, закрыв глаза, повторила еле слышно:

От любви твоей расцвели
Мои ветки...

На следующий день Наапет посадил по обе стороны крыльца два яблоневых деревца, не деревца даже — два крошечных саженца, что выросли из артаметских зернышек, тех, что дал ему когда-то крестный Акоп. Подходили люди, спрашивали, что Наапет делает, каким делом на этот раз занят. И всем он рассказывал про давний обычай своего края.

Наапет на глазах у всех выкопал ямки, разложил корни саженцев поудобнее, засыпал их снова и полил водой, потом отряхнул одежду, подошел к крестьянам, достал кисет и закурил.

— С сегодняшнего дня даю обет, — сказал он, протягивая кисет Нхо, — в чьем доме родится ребенок, перед тем домом яблоньку сажаю...

— Ийя, — удивился Нхо, что еще придумал человек-армянин?

— Из какого дома крик новорожденного услышу, — продолжал Наапет, — перед тем домом своею рукой артаметскую яблоню посажу... Бог не дал мне большой силы и храбрости, никаких геройств в жизни не совершил, я свой долг в этом вижу — буду деревья сажать...

---

[1] Фидаи — партизан (турец.).

— Значит, и перед моим домом скоро будет яблоня, — обрадовался Нхо, — у меня вот-вот внук родится.

Через неделю Нубар была на ногах и сама поливала яблоньки, посаженные в честь близнецов. То и дело заходили к ней соседки. Однажды рано утром прибежала Варсо и, не помня себя от радости, сказала,что у них с Нхо внучка родилась. Нубар и Наапет поздравили ее. В тот же день Наапет выкопал из земли молодую яблоньку и направился к дому Нхо. Этот давний артаметский обычай пришелся всем по душе — почти полсела сбежалось, чтобы увидеть, как Наапет будет сажать яблоньку в честь новорожденной внучки Язычника Нхо. Закончив работу, Наапет сказал:

— Поздравляю тебя, братец Нхо, пусть растет твоя внучка с этим яблоневым деревцем вместе, пусть будет, как яблонька, красивая, как яблочко, румяная, пусть в жаркие дни прохладу дает, пусть в холода согревает, пусть ко времени сама даст плоды.

А через два дня родился ребенок у председателя Гукаса, и Наапет с яблоневым саженцем в руках появился у председателева дома...

Когда Наапет посадил яблоньку перед третьим домом, в селе все поняли, что Наапет от своих слов отступаться не намерен. Перед тем как приступить к делу, Наапет заставлял хозяина дома поклясться, что будет беречь дерево как зеницу ока, не даст затоптать скотине и детей близко не подпустит, пока деревце не окрепнет.

В последних числах апреля в селе родилось еще несколько детей — три мальчика и две девочки. Наапет наведался в эти дома, но саженцев с собой не принес. Крестьяне удивились, неужто Наапет обет свой нарушит. Или саженцы у него кончились?

Наапет вошел в дом к сасунцу Миро, чтобы поздравить его с внуком.

Хозяин дома попросил Наапета съесть кусочек хлеба, выпить водки в честь новорожденного. Наапет поднял стакан: «Благословляю рождение твоего внука, мой брат Миро, пусть он растет на радость нашей армянской нации... И пусть он растет тебе в утешение, братец Миро, я желаю, чтоб ты своими глазами увидел, как он вырастет, возмужает, желаю, чтобы сам ты и женил его. Терпения всем нам, здоровья вам, аминь...»

И Наапет объяснил, почему пришел с пустыми руками.

— Деревья уже проснулись, почки раскрываются, нельзя теперь сажать, прошло время. Но осенью мой святой долг будет посадить у вас во дворе яблоню, и дай бог, чтобы каждый год прибавлял по яблоньке у вашего дома...

Столетний, но еще крепкий, могучего роста, старик Миро, с почтением склонив голову, молча слушал Наапета, потягивая толстый чубук. И только в последнюю минуту, когда Наапет уже прощался, он тихим голосом произнес слова благословения:

— Да продлит бог твою праведную жизнь, Наапет.

Все пять домов обошел Наапет, всех поздравил и всем обещал прийти осенью.

Кое-кто в селе еще посмеивался над Наапетом. Но большинство односельчан относилось к артаметскому садоводу уважительно и сердечно. Наапет чувствовал это. Другой награды, другой чести мне и не надо, думал он.

Наапет допоздна возился на своем участке, разрыхлял землю на грядках, высаживал рассаду, проводил новые канавки, чтобы поливать было удобнее. Иногда садился покурить и смотрел, как птицы склевывают червяков с грядок.

— Хватит тебе, Наапет, довольно работать, иди домой, хлеба поешь, муженек, — звала его Нубар с порога. Потом, не выдержав, сама шла за Наапетом с близнецами на руках. — Жирайр, скажи: отец, иди домой, Цовинар, позови отца, скажи, соскучилась, иди к нам скорей...

Наапет бросал лопату прямо на грядку, отряхивал одежду и шел к ним. Нубар хорошела с каждым днем, синие глаза излучали тихое теплое сияние, добрая улыбка озаряла лицо.В этом возрасте люди стареют с каждым днем, а Нубар день ото дня молодела. Наапет забирал у нее младенцев, и Нубар шла накрывать на стол. Наапет обнимал детей, прижимал к себе и, оглянувшись — не видит ли кто, быстро целовал их.

— Не целуй их, Наапет, — кричала Нубар, — усы у тебя колючие, больно им сделаешь...

Но если никого рядом не оказывалось, Наапет осторожно касался детей губами, сначала одного, потом другого, маленькие существа у него на руках вздрагивали и жмурились, потом раскрывали светлые глазенки, но весеннего солнца, его щедрого света было слишком много для них — и они снова жмурились. Наапет подолгу разглядывал их крохотные личики, искал сходства со своими погибшими детьми — сходство было, безусловно было, но в чем — он не мог уловить. Близнецы были похожи на Нубар, такие же голубоглазые, светловолосые. В величайшем волнении восхищенно разглядывал Наапет детей.

— Нубар, иди-ка сюда, Нубар, — Нубар показывалась в дверях.

— Что тебе?

— Опять я перепутал их, Нубар. Не могу разобрать, помоги...

Нубар, смеясь, забирала у него одного малыша.

— Ну-ка, Наапет, кто у тебя остался?

— Цовинар?..

Нубар хохотала.

— Да нет же, это Жирайр.

— Правда, Жирайр?

— Ну да!

Но чтобы не было никаких сомнений, Наапет раскрывал пеленку, целовал ребенка в животик и быстро снова пеленал, чтобы не застудить.

Удивительно похожи были Цовинар и Жирайр. Никто не различал их, кроме Нубар.

— Вырастут, разными станут, — смеялась Нубар, — девочка и мальчик все же...

В середине мая на крестины приехали Апро с Антарам.

Едва телега остановилась возле дома Наапета, а Антарам уже обнимала Нубар своими длинными, сухими, как жерди, руками, плача и причитая:

— Будь благословенно твое рождение, Нубар, будь трижды благословенна ты сама, что вернула моего брата Наапета к жизни, умереть мне за тебя...

— Не плачь, сестра, — сказал Наапет, — какой прок в слезах, не плачь, моя добрая сестра...

— Хватит, Антарам, — поддержал его Апро, — не слезы помогают человеку, а надежда и вера... На свадьбе и на крестинах плакать — плохая примета. Верно говорит Наапет...

Антарам вытерла слезы.

— Ну, не буду, не буду... А где же мои ягнятки?

— Спят, — ответила Нубар.

— Хочу посмотреть на них, — сказала Антарам.

Все вошли в дом. В комнате у стены стояли две люльки. Антарам бросилась к ним.

— Не буди их, Антарам, — крикнул Апро, — пусть спят. — Но Антарам уже сдернула покрывало и разглядывала малюток. Тогда и Апро к ним подошел.

Антарам смеялась без устали и вдруг рухнула, упала брату на грудь и зарыдала в голос:

— Мой дорогой брат, мой Наапет... Дайте мне выплакаться, ради бога. Сердце мое переполнено, дайте выплакаться мне, как дождю, чтобы тучи покинули мое сердце, чтоб душа прояснилась...

Тут уж и Наапет с Нубар не удержались, заплакали оба.

Апро стоял, отвернувшись к стене, и крепился изо всех сил.

Наконец Антарам притихла, взяла себя в руки.

— Да, хватит уже, в самом деле хватит, — прошептала она.

Дети проснулись и ворковали в своих люльках.

— Который мальчик? — спросила Антарам.

— Угадай, если можешь, — засмеялся Наапет.

И все засмеялись с ним вместе, а Антарам распеленала малышей, расцеловала каждого и завернула в новые пеленки, из тех, что привезла с собой. Потом взяла детей на руки и стала напевать, пританцовывая.

— Умереть мне за вас, за отца вашего, кабы не отец ваш, где бы вы были...

И опять все засмеялись, а Антарам снова запела:

— Умереть мне за вас, за матушку вашу, живите, растите большие, разумные...

— Девчушка хороша, мальчик еще лучше, мальчик храбрый будет, девочка красавица... Апро, неси-ка сюда свои гранаты и яблоки, с осени ведь их прячешь для невестки нашей, принеси, и мы посмотрим, что лучше — Цовинар или то яблоко, что блестит больше — глаза Жирайра или зернышки граната, неси Апро, неси скорее. Жирайр — мой гранат, Цовинар — яблочко красное мое. Вот мой гранат, вот мое яблочко, вот моя душа, вот мое сердце...

— Спятила, совсем спятила, сошла с ума женщина, — засмеялся Апро. — Ах, Антарам, Антарам...

— Жирайр, скажи: ага-Апро, зачем смеешься над моей теткой, что тебе надо от нее? — продолжала Антарам, — Цовинар, а ты скажи: ага-Апро, моя тетка ме-

ня любит и оттого с ума сходит, посмотрите, какая я хорошая, как луна красивая, как яблочко артаметское румяная...

Нубар и Наапет, стоя друг подле друга, молча смотрели на Антарам, и Апро, покручивая усы, любовался женой, а близнецы, как зачарованные, таращили на тетку глаза.

— Мальчик хорош, девочка еще лучше...

На крестины собралось много народу. Крестным был старик Мовсес. Приглашенный из соседнего села священник прочитал молитву, мальчика нарекли Жирайром, девочку — Цовинар.

— Поторапливайся, святой отец, — сказал Язычник Нхо, — нам еще за стол надо сесть, детей благословить нашими грешными устами. Бог праведных не больно-то слушает, он грешников скорее услышит...

Священник сердито косился на Язычника Нхо и назло ему затягивал проповедь.

— Не слушай его, святой отец, — шепнул Мовсес. — Он у нас немножко чокнутый...

Проповедь окончилась.

Все уселись за стол, начались поздравления.

— Братец Наапет...

— Сестрица Нубар...

— Здоровья вам и детям вашим, пусть растут вам на радость...

— Братец Апро, сестрица Антарам, с новорожденными вас...

Поднялся Язычник Нхо.

— Кум Мовсес, я слышал, ты тут меня чокнутым обозвал. Так оно и есть. Я чокнутый, я язычник, я плохой, а ты святой, как мне с тобой тягаться. Ты у нас пророк Моисей, с самим богом беседовать можешь. Что же ты не скажешь ему, чтобы он армян пожалел, сколько же этому народу еще мучиться и страдать?

Маленькая голова Мовсеса так и заплясала на плечах от негодования.

— Нечего на бога наговаривать, господь услышал вас, разве плохо мы живем сейчас?

— Ну да, — рассмеялся Нхо, — за это мы не бога твоего должны благодарить, а Ленина.

— Хорошо говоришь, дядюшка Нхо, молодец, — одобрил председатель Гукас.

Волнение за столом возросло, священник поднял крест, чтобы проклясть Нхо. Председатель Гукас вскочил с места, схватил священника за руку.

— Товарищ поп! Не забывай, что советская власть тут.

Начался переполох, все кричали, перебивая друг друга, один только Нхо был спокоен.

— Без твоего благословения явился я на свет божий и не от твоего проклятья умру, — сказал он, повернувшись к священнику, — сегодня у нас крестины, поп, сегодня добро ты должен возвещать, не людей проклинать, любовь проповедовать должен, а не ненависть.

— Любовь, но не к таким язычникам, как ты, — буркнул поп.

— Правильно, я и есть язычник, — сказал Нхо, — а ты священник, возьми и наставь меня на путь праведный, а то проклинать вздумал... Ты сначала спроси меня, почему я язычником сделался. Но раз ты меня не спрашиваешь, я сам тебе задам вопрос. Вот мы все такие благочестивые христиане. Правда ведь? Почему же тогда господь не любит нас?

— Бог любит армян...

— Пусть так. Почему же тогда он резню допустил?

— Кого бог любит, тому испытание посылает, веру испытывает.

— Любит и потому губит? — с усмешкой в глазах спросил Нхо и, не получив ответа, продолжал: — Премного благодарны создателю за такую любовь. Любовью этой мы сыты по горло, пусть он турок теперь немножко полюбит.

Всем стало неловко, кто-то засмеялся.

— Молодец, дядюшка Нхо! — крикнул председатель Гукас, но только Нхо все равно уже ничего не слышал и не видел — разгоряченный, он продолжал:

— Прошу простите меня, братья, что нарушил обычай. Братец Наапет, сестрица Нубар, всем селом пьем за ваше здоровье, за здоровье ваших двух детей и за те яблоньки, что Наапет посадил для них. Пусть эти яблони растут — крепнут, чтобы никакие бури и ветры их не сломали. Желаю тебе, братец Наапет, жить долго и перед каждым двором в селе посадить свои яблони.

— Спасибо Ленину, Ленин принес мир в наши дома, — сказал Апро. — О хорошем вспомним, братья.

Обернувшись к Наапету, Апро кивнул на Нхо:

— Люблю таких людей.

Священник сидел мрачный и вскоре встал из-за стола, сказал, что в его селе тоже крестины, что пора ему, наспех благословил стол и вышел.

Шум в комнате усилился, старики ругали Нхо, молодые во главе с председателем Гукасом защищали.

— Нехорошо получилось, Нхо, — качал головой старик Мовсес, — по обычаю положено...

— Что положено? — оборвал его Нхо, — положено, чтобы с людьми за столом черная ворона сидела? Нет, очень хорошо получилось, я рад, что черная ворона улетела к чертям. Теперь-то мы и начнем пировать, собрались мы ведь для чего?!

После этого один за другим поднимались гости, пили за здоровье новорожденных и их родителей — чтобы радость не прекращалась в этом доме, говорили, чтобы до глубокой старости дожил Наапет и всегда крепкими были его руки, чтобы никогда не переставал он сажать яблони перед домами. Встал Апро, предложил выпить за славный наапетов род, который мог уйти бесследно с лица земли, но теперь-то уж выживет. Антарам рядом с ним заплакала, закрыла лицо передником, Нубар обняла ее, принялась утешать. Дверь открылась, и в комнату влетела Шальная Варсо. Не обращая ни на кого внимания, Варсо закричала:

— Эй, Язычник Нхо, Шальной Нхо, магарыч с тебя, господь нас с тобой еще одной внучкой наградил!

Кто-то крикнул, «бога нет — есть Ленин». Но Варсо и тут нашлась:

— Господь на небе, а Ленин в Урусастане... Ну, а внучка — моего сына заслуга, понял?

Потом повернулась к Наапету и Нубар.

— Да благословит господь эти крестины, пусть пошлет он вам удачу во всем. Братец Наапет, не забудь принести яблоню в наш двор. А теперь налейте мне вина, поздравить всех хочу. Шальной Нхо, что таким зверем на меня глядишь? Ленин нас равными сделал, нечего тебе на меня коситься. Дайте-ка мне еще стаканчик...

Варсо наполнила три стакана вином, один подала Антарам, другой Нубар, третий взяла сама и заговорила снова:

— И вас поздравляю, и себя поздравляю. Выпьем за наше здоровье, за здоровье Антарам, Нубар, Шальной Варсо. Да сохраним мы свой род, свое семейство, свой очаг...

Старик Мовсес щелкал янтарными камушками четок, качал головой и бормотал восхищенно:

— Что за женщина эта Варсо, чистый огонь...

Когда все уже собирались расходиться, явился еще один гость, старик Миро, из сасунцев. С огромным посохом в руках, чуть не задев головой притолоку, он прошел вперед, поклонился всем и, попросив прощенья, что поздно так пришел на крестины, пригласил всех к себе.

— Помолвка у нас, сына младшего женю, прошу всех в мой дом. Все вы гости мои желанные...

И снова все уселись за стол и снова поздравляли, благословляли, тосты новые говорили. Апро и Наапет о чем-то пошептались, и Апро со стаканом в руке поднялся с места.

— Уважаемый народ, разрешите и мне сказать. Мой старший брат Наапет поклялся вам, что перед домом каждого новорожденного своими руками посадит по яблоне. Замечательная клятва, угодная богу и достойная человека. С сегодняшнего дня Наапет дает еще один обет — в честь каждой свадьбы — по две яблони сажать. Да примет господь и этот его обет, аминь. А я уж постараюсь, чтоб саженцев всегда хватало... Пусть все горе останется в прошлом, пусть будет нам в жизни одна только радость...

Кто-то из детей заплакал, Нубар бросилась к люлькам. Гости постепенно разошлись. Апро и Наапет отправились к сасунцу Миро на свадьбу.

Нубар и Антарам распеленали детей.

— Жирайр хороший малец, славный храбрец, — подхватив ребенка, снова стала напевать Антарам, — сестричка его Цовинар, отец Наапет — всему венец, и Нубар — мать, божья посланница...

Вечерело, село наполнилось блеянием овец, мычанием коров. Нубар, оставив детей на Антарам, побежала во двор Мовсеса подоить своих овец.

Наапет и Апро вернулись со свадьбы поздно. Оба немножко навеселе. Наапет напевал под нос свою любимую песню: «Я был сухим деревцем, ты — весенним солнышком, от твоей любви зацвели мои ветки»...

Апро все обнимал Наапета, целовал его в лоб и говорил без умолку.

— Наапет, был бы ты здоров и всем доволен — ничего больше не хочу, вот и Антарам может сказать. Ты наш старший брат и все мы из твоего корня происходим, ты только прикажи — для тебя все сделаем. И еще одно желание имею — дожить до свадьбы Жирайра и свадьбы Цовинар, ежели наградит меня бог и исполнит эти мои желания, прощу ему все, все зло прощу. А Язычник Нхо, ей-богу, хороший человек. Истину всегда сумасшедший говорит, умный не скажет. Мовсес тоже хороший человек, только уж слишком много думает, каждое слово десять раз взвесит, прежде чем скажет... Но ведь и холст порвется, ежели его долго мерить... А благочестивых священников, Наапет, я тоже не люблю, потому, что никому еще пользы от них не было. Простой крестьянин, если что от души скажет, так его слово тысячи молитв стоит... Какой народ, какой народ, Наапет, жил в нашем краю и все потерял разом — и дом и кров над головой. Теперь настало время обзаводиться новым домом и новым очагом. Все, что было у нас — наши земли и сады — все осталось у нечестивых басурман. И, значит, надо нам новые сады сажать... Дело врага — разрушать, а наш долг строить, так устроен мир, Наапет, и мы с тобой тому свидетели...

— Пьяный ты, Апро, — покачала головой Антарам.

— Верно, выпил немножко, — согласился Апро. — А сейчас воды хочу. Дайте мне напиться.

Принесли ему воды, Апро напился и сказал:

— Теперь хочу посмотреть на Жирайра и Цовинар. Поглядим на них еще раз и спать ляжем. Поздно уже. Утро доброе близко... утро доброе.

Дети давно уже спали, Апро подошел к ним, наклонился, поцеловал обоих.

— Завидую я этим деткам, когда они вырастут, земля другой станет, ненависть вся уйдет, останется одна любовь в мире...

10

Прошли дни крестин и обручений, время встреч и долгих бесед. Люди с утра до вечера были заняты в поле и на своих огородах. Только по утрам на заре и поздним вечером в селе слышались голоса, днем было тихо и пустынно, на улицах можно было увидеть одних ребятишек, да изредка старух. Нубар утром оставляла запеленатых детей под одинокой ивой возле ручья и шла помогать Наапету.

— Я таких умных детей сроду не видел, — говорил Наапет. Жирайр и Цовинар сладко спали под ивой, а проснувшись, не кричали и не плакали, а лежали тихо и молча глядели на плывущие в небе облака.

— Словно понимают, что их покорность и послушание в радость нам. — Наапет достал свой кисет и снова заговорил: — Дай бог дожить мне, увидеть счастье своих детей. Ничего не прошу больше ни у небесных, ни у земных владык, пусть все блага останутся другим, а мне только счастье моих детей нужно.

— Хватит о смерти думать, Наапет, — просила Нубар.

Наапет смотрел на Нубар, лицо ее словно излучало свет, и страх смерти покидал Наапета, уходил далеко, за семь дол и семь гор...

Наапет и Нубар усаживались отдохнуть под ивой рядом с люльками. Наапет запрокидывал голову и глядел на те же неторопливо плывущие облака. Облако принимало очертания человека, потом частица его отламывалась и человек превращался в чудище; далеко в небе вдруг показалась журавлиная стая, и еле слышно угадывалась их песня вдалеке; Наапет закрывал глаза, и ему казалось, что он в своем артаметском саду и где-то близко шумит Ванское море...

— А вдруг можно будет вернуться в наш край, а, Нубар, что скажешь?..

Нубар, вспыхнув, брала на руки кого-нибудь из детей и отворачивалась, чтобы покормить грудью. А на вопрос Наапета так и не отвечала.

— Гранаты зацвели уже, Наапет, ты видел? Как думаешь, будут этой осенью плоды?..

— Должны быть, — отвечал Наапет и вставал, — пойду, поработаю еще немножко.

Каждый день до рассвета он начинал работу и кончал ее, когда в домах зажигались огни. Каждый вечер ему казалось, что вся работа закончена и больше делать нечего: деревья подрастали, рассада расцвела, грядки одна ровнее другой, воды рядом много, благо еще держится снег на высоких склонах Арагаца, снег тает и ручьями сбегает вниз. Но на утро находилась новая работа — верхний слой земли затвердевал за несколько дней, и нужно было каждый раз рыхлить землю, чтобы сохранить влагу; овощи надо было прополоть, а тут еще на почках яблонь объявилась тля. Все замечал Наапет, все видел, вовремя помогал саженцу, всякой травке спасал жизнь.

Зелень уже тянулась вверх, распускались продолговатые листочки. И каждый раз, когда появлялась первая зелень, котэм или амем[1], Наапет срывал ее, мыл в ручейке, приносил домой, посыпал солью и, заворачивая в хлеб, протягивал Нубар.

— Попробуй, Нубар, понравится тебе?..

— Вкусная зелень.

— Артаметский котэм был лучше, — говорил Наапет.

— Мне и этот нравится.

— Вот и хорошо...

А через неделю Наапет принес Нубар первый огурец из их огорода.

— Отведай, Нубар...

Нубар разломила пополам маленький хрупкий огурец, половину протянула Наапету.

— Вкусный, — сказала она и улыбнулась, — но куда ему до артаметских огурцов, не так ли, Наапет, что скажешь?

— Смеешься надо мной, Нубар? Этим огурцам, правда, далеко до артаметских, но ничего, и эти неплохие. Пойду еще поищу, может, найду для тебя...

---

[1] Амем — пряная зелень (арм.).

— Хватит, Наапет, пусть подрастут, побольше станут.

— Маленькие-то самые вкусные, Нубар...

И он снова шел в огород и, поискав, находил для Нубар маленький, продолговатый огурец с острыми пупырышками и желтым цветком на кончике.

С каждым днем в саду и в огороде появлялось что-то новое, рассада разрослась пышная, деревья окружили себя маленькой зеленой короной, раскрылись пурпурные цветы граната и тихо оживали сухие кусты роз, которые в прошлый приезд посадил Апро.

Близнецы подрастали и тоже менялись с каждым днем. Наапет уже различал их, особенно когда видел их вместе. Рыженькие брови Жирайра были гуще, а губы чуть пухлее, и лоб пошире. Цовинар, думал Наапет, как пена ванского моря, бела, и губки нежные, розовые, как волокно у гриба, что в горах растет, а цвет глаз у неба этот ребенок позаимствовал или у матери своей. Наапет садился около детей, подолгу смотрел на них и приговаривал: «Расти скорее, Жирайр, расти, чтоб отец твой увидел тебя сильным и умелым, скорее расти, чтобы радостью стать для отца и матери. И ты расти, доченька, ты будешь прохладна, как море, благоуханна, как цветок, и улыбчива, как луна, будешь радовать мать и отца».

Так разговаривал Наапет со своими детьми, но не разговор это был, а старая позабытая песня, которая вновь ожила и облеклась в слова, и слова эти, складные и радостные, наполняли сердце Наапета восторгом. Он повторял их про себя, склонившись над детьми, и те, казалось, понимали что-то и улыбались, глядя на отца. Цовинар изо всех сил тянулась к нему ручонками, старалась ухватиться за усы. А Жирайр улыбался сдержанно, как подобает мужчине, и застенчиво отворачивался.

— Нубар, Жирайр больше на тебя похож, чем Цовинар.

— А Цовинар на тебя похожа, Наапет. И хорошо, что так. Когда девочка на отца похожа, говорят, к счастью.

— А когда сын на мать похож, тогда что?

— Тоже хорошо.

— Цовинар смеется так сладко, Нубар, а Жирайр как будто робеет. Ведь надо бы наоборот, правда?

— Сейчас непонятно еще, Наапет, какими они будут. А смотри, какая у нас Цовинар нежная.

— Мне кажется, Нубар, что Жирайр нравом в моего первенца Жирайра будет...

— Посмотрим...

— Очень хорош наш Жирайр... Жи-райр, а-гу...

Мальчик улыбнулся в люльке и отвернул голову.

— Вылитая Нубар, — прошептал Наапет.

Разговорившись и расчувствовавшись так, Нубар с Наапетом вдруг испуганно умолкали — как бы не разразилось над ними новое несчастье, неизбежная кара за счастье. Этот страх проявлялся в самые радостные минуты, и они поддава-

лись ему безотчетно и покорно. Только работа спасала Наапета и отвлекала от этого тяжелого, гнетущего душу чувства.

...После мая воды стало меньше, ручьи почти все высохли, с гор дули острые, пронизывающие ветры. Молодые яблоньки склонялись под ветром до самой земли, потом с болью распрямляли тонкие стволы свои. Наапет не был готов к такому — прошлое лето было щедрым на дожди, недостатка в воде не было, и воздух был потеплее.

— Что будем делать, Нубар? — спрашивал Наапет. — Если так пойдет дальше, все деревья вымрут.

— Не знаю, что и сказать тебе, Наапет.

— Я надумал одну вещь, хочу с тобой посоветоваться.

— Что надумал?

— Ветер с севера дует, и я думаю — надо стену длинную поставить вдоль сада, в два человеческих роста. Тогда спасем сад. Только очень это трудное дело, одному не осилить...

— А ты не один, Наапет, — сказала Нубар улыбаясь, — нас четверо, забыл ты, что ли? Ты, я, Жирайр и Цовинар.

И Наапет посмотрел на жену и кивнул:

— Верно, Нубар, — вправду, четверо нас.

На следующий день рано утром Наапет отправился за глиной и два дня подряд возил ее на ишаке.

— Чем это ты снова занят, братец Наапет, — спросил Мовсес на третий день. — На что тебе эта глина сдалась?

Наапет объяснил.

— Ты не можешь жить так, чтобы не мучить себя, кум, — покачал головой Мовсес.

Жена Язычника Нхо, забежавшая к Нубар на минутку, не удержалась, тоже вступила в разговор.

— Братец Наапет, — сказала Варсо, — ты, может, и вправду нас за язычников считаешь?..

— Сестрица Варсеник, я вас никоим образом за язычников не считаю.

— А если так, что ж не сказал нам ничего? Может, боялся, что тележка наша поломается или копыта у быков износятся, если денек на тебя поработают? Ай-яй-яй, а еще породниться с нами собираешься, хочешь, чтобы я свою внучку Шушик отдала за твоего Жирайра? Стыдно тебе должно быть, сосед. Такой груз на ишаке разве перетаскаешь?

— Скажу сегодня своим ребятам, чтоб помогли тебе, они и глину привезут, и стену тебе поставят, — старик Мовсес был настроен очень решительно.

Рано утром Мовсесова арба и телега язычника Нхо прикатили во двор Наапета, а к вечеру весь двор уже был завален глиной, целая крепость глиняная стояла. И опять сбежались односельчане и с любопытством ждали, что будет делать Наапет дальше. Подошли председатель сельсовета Гукас и Ячейка-Арутюн.

— Ну, что теперь собираешься делать, беспокойная душа, дядюшка Наапет? — с улыбкой спросил Гукас.

— Что решил, то и делай, отец, — подбодрил Наапета Ячейка-Арутюн. — Ты зря делать не станешь...

И Наапет терпеливо объяснил, зачем он придумал все это, для чего ему нужна теперь стена вдоль сада.

Эта новая затея артаметца показалась односельчанам верхом чудачества, все молча стали расходиться.

Нубар заметила, что над мужем подсмеиваются, но виду не подала. «Сасунцы и мушцы ничего в садоводстве не смыслят, что с них возьмешь», — думала она.

На следующий день Наапет принялся класть стену. Трудное это было дело, ничего не скажешь — стена длиной в двести шагов, а высотой в два человеческих роста, нешуточное было дело, и уж, конечно, не под силу одному человеку.

Соседи принесли инструменты, у кого какой имелся, Наапет раздобыл где-то мешалку и мастерок. Потом положил рядом две доски и скрепил их так, чтобы между ними оставалась узкая, как ручеек, щель. И принялся месить глину. Зевак сбежалось в этот раз больше обычного. Сначала работал один Наапет, Нубар ему помогала, потом объявились другие помощники, пришли сыновья Мовсеса, взяли у Наапета мастерок, у Нубар забрали ведра и принялись за работу.

Наапет ходил, показывал, кому что делать, хвалил сыновей Мовсеса за понятливость, потом опять сам, засучив рукава, принимался за работу.

До вечера стену подняли всего на один вершок.

— Тут работы на целый год, кум, — сказал Мовсес вечером.

— Нет, кум, — ответил Наапет, — за два месяца справимся.

— Два месяца руки в этой грязи будешь марать?..

— Руки помыть — дело не трудное, кум Мовсес...

На строительство стены ушло почти все лето. Она поднималась медленно, в день на три вершка, а иногда и того меньше. Зеваки и помощники постепенно разошлись, дел у всех было по горло. Наапет и Нубар работали вдвоем. Нубар таскала раствор, Наапет, не разгибая спины, лепил стену.

— Нубар, а ведь над нами посмеиваются, ты не заметила? — спросил он однажды жену.

— Не горюй, Наапет, — ответила Нубар, — смеются, потому что не понимают в твоем деле.

— Не понимают, — задумавшись, повторил Наапет. — Ничего, своими глазами увидят — поверят. А сейчас думают — с ума сошел Наапет, мучает себя невесть зачем. А ведь такое мучение делает жизнь слаще, ведь мучаюсь я ради Жирайра и Цовинар, ради тебя, Нубар. И счастливым будет для меня тот день, когда я смогу дать в руки Цовинар красное яблочко из этого сада. Еще годика три пройдет, и люди увидят, что здесь будет. Тогда и другое заговорят.

Наступил август. Наапет обходил свой сад, проверял, хорошо ли привились деревца, посаженные весной.

Каждый день Наапет шел смотреть саженцы, которые он посадил в честь но-

ворожденных перед чужими домами. Эти саженцы почти все привились, зеленые листочки поблескивали на солнце, гибкие ветки мерно покачивались, стволы стояли крепко, только у двух-трех деревьев листочки пожелтели и скрутились.

— Корни высохли, вот и погибли, — говорил Наапет, — такое случается, не беда, осенью новые посажу... Но сдается мне, что тут дети играли, потревожили дерево. В следующий раз пусть поосторожнее будут.

Однажды пришли к Наапету Язычник Нхо с женой. Они сели рядом с ним и стали уговаривать, чтобы бросил он сооружать эту стену. Какой смысл в том, что Наапет так мучает себя, здешние люди все в один голос твердят, что не видела никогда эта земля ни яблок, ни гранатов.

— Ничего, — сказал Наапет, — наши внуки уже не будут так говорить. Ты не беспокойся, братец Нхо. Наапет знает, что делает.

— Тебя не переговоришь, братец Наапет, — сказала Варсо, — ты сам любому голову заморочишь.

— А что, разве яблонька перед вашим домом плохая, не растет разве? — спросил Наапет.

— Растет, — ответил Нхо, — так, может, и мне стену строить прикажешь?

— Не помешало бы, братец Нхо. Ведь у твоего дома еще не одно дерево посадить придется. Ты об этом и не подумал, наверное.

— Пошли, пошли, — Варсо потянула мужа за рукав, — вижу, он тебя с толку сбить хочет, вот и Нубар молчит, сторону мужа держит, небось...

— Так оно и положено, чтобы жена заодно с мужем была, — сказал Наапет.

— Конечно, приворожил красавицу, ни на шаг от мужа не отходит...

— Не будем мешать тебе, братец Наапет, — сказал Нхо, поднимаясь, — пусть стена твоя крепкая будет и прочная, да не как та Вавилонская башня, которая, сказывают, развалилась, удачи тебе, братец.

Август был уже на исходе, но над полями стояло марево, а в селе, на склоне Арагаца, было не холодно и не жарко.

— Погода как раз для яблонек, и воздух тоже, — говорил Наапет.

В эти дни неожиданно приехал Норайр. Он вырос за год, подбородок покрылся пушком и взгляд был, как у взрослого — понимающий и мягкий. Наапет обнял племянника, расцеловал его и заглянул в глаза. Его нежное, почти девичье лицо напоминало юную Антарам.

— Как вырос мой Норайр, еще немножко и женим его...

Норайр смутился, но тут подошла Нубар, тоже расцеловала его и стала расспрашивать, как поживает сестрица Антарам.

— Хорошо, приветы вам шлет.

— А отец как? — спросил Наапет.

— И отец хорошо, от него тоже привет.

Две недели пробыл Норайр у дяди. Помогал ему поднимать стену, работал в огороде, брал на руки детей и долго гулял с ними вдоль ручья, потом садился где-нибудь под утесом, выбрав тенистое место, укладывал детей рядышком и читал привезенные из дому книжки. Разговаривал он мало, только на вопросы отвечал.

Но о чем бы его ни попросили Нубар или Наапет, он тут же срывался с места — воды нужно было принести — бежал за водой, арбуз нужно было сорвать — летел сломя голову в огород и все делал быстро и ловко.

— Норайр, как же мы жить без тебя будем, — сказал однажды Наапет, — привыкли ведь...

В середине сентября стена, наконец, была готова. Крестьяне один за другим подходили, останавливались, улыбались, качали головами.

— Сколько труда пошло, целых два дома можно было выстроить. Ну и Наапет! Не Наапет, а бык плужный, все ему нипочем, — сказал один.

— Какой там бык — буйвол, буйвол и есть, — подхватил другой, — захочет и горы с места сдвинет...

Теперь односельчане восхищались Наапетом, тем более, что все соседи уже успели отведать его огурцов, арбузов и дынь и поняли, что каменистая их земля может давать сладкие плоды.

Осенью поспели гранаты. Нубар собрала их, переложила соломой и спрятала на зиму в большую плетеную корзину.

— Знаешь, что я подумала, Наапет? Ты вот яблоньки сажаешь, когда ребенок рождается, а я роженицам по гранату буду дарить.

— У нас в Артамете был такой обычай... — сказал Наапет.

— Так делали в Арцке, — сказала Нубар.

После отъезда Норайра в доме стало как-то пусто. Но думать об этом было некогда — близилась зима, надо было к ней готовиться.

И вот настала зима — пора свадеб.

На этот раз она затянулась, и беседам у тонира не было конца — люди каждый вечер засиживались допоздна. Наапета усаживали на почетное место, и если он принимался рассказывать, в комнате становилось особенно тихо. Домой возвращался Наапет, когда дети уже спали. Нубар всегда ждала его, чтобы накормить хлебом с мацуном, посидеть рядом, посмотреть, как он ест.

Однажды Наапет пришел домой раньше обычного.

— Несчастье случилось, Нубар. Умер Ленин.

Молча сели друг возле друга Нубар с Наапетом, и всю ночь Наапет курил, не проронив больше ни слова.

Задавленные горем люди собирались в домах и гадали, что же станется теперь со всем белым светом. Не начнется ли снова война, не задумает ли чего опять турок. Председатель Гукас и Ячейка-Арутюн успокаивали их, говорили, что все задуманное Лениным сбудется.

Наапет приходил и пересказывал Нубар.

— Не будет войны, Нубар, Гукас говорит, простые люди все за нас, они так и сказали: «Кто на страну Ленина пойдет, того уничтожим».

Наконец эта долгая, тяжелая зима прошла и началась необычайно дружная весна. Чуть ли не во всех дворах расцвели яблоньки. Воды было вдоволь, с Арагаца дули прохладные ветры.

Наапет не знал покоя ни днем, ни ночью. Но среди всей этой весенней суматохи он не забывал наведываться к соседям.

— Ну как там мои «питомцы»? — кричал он еще издали, и все уже знали, что речь идет о яблоньках.

Однажды в жаркий летний день он зашел в дом напиться. Нубар, усадив детей на тахте, стояла перед ними на коленях и тормошила их, смеясь.

— Отец наш пришел, — сказала Нубар, увидев Наапета, — Жирайр, скажи — о-тец.

— О-те-сь, — вдруг пролепетала Цовинар.

Отец с матерью, пораженные, повернулись к девочке.

— О-те-сь... — второй раз позвала Цовинар. И в ту же минуту Жирайр, глядя на отца, повторил вслед за сестрой — о-те-сь и сам засмеялся и отвернулся.

Наапет и Нубар поглядели друг на друга, в глазах Наапета сверкали слезы. Потом Наапет не выдержал, уткнулся в колени жене и заплакал.

— Что с тобой, Наапет? — встревоженно спрашивала Нубар и гладила мужа по седой голове, — успокойся, видишь, все хорошо, не плачь, Наапет, дети на тебя смотрят...

11

— Вот чью судьбу напомнил мне этот могучий дуб, — сказал я товарищу, заканчивая историю жизни Наапета. Мы сидели в густом лесу у обугленного, пораженного молнией дуба.

Тени от деревьев становились длиннее, и вот они уже протянулись по голой поляне и горному склону, покрытому свежей альпийской зеленью.

Из почерневшего обугленного ствола росли и стремились вверх молодые побеги. Я встал и в последний раз погладил их листья.

Вечерело.

— Пошли, — сказал мой товарищ.

И мы зашагали по направлению к курортному городку, где находилась наша гостиница. Вот уже полторы недели, как мы удрали из города и затаились тут, чтобы вместе написать одно историческое исследование.

Мой друг шел молча рядом со мной.

Природа в этих краях удивительно хороша. Мы шли вдоль глубокого лесистого ущелья. Сквозь ветки деревьев проглядывала чистая синева неба, рядом слышался шум быстрой горной речушки. Мы уселись на берегу этой речки и сразу почувствовали, как успокаиваются нервы; берега речушки были покрыты сочной ярко-зеленой травой и благоухание ее оживляло и мирило тебя с собственной усталостью.

Когда мы выбрались из ущелья, вдруг перед нами словно возникла сотня ко-

стров — так причудливо играли лучи заходящего солнца, разбрасывая кругом отблески пламени на окнах белых домов курортного городка.

— Ты рассказал эту историю так, — прервал молчание мой товарищ, — словно сам был все это время рядом с Наапетом, словно подслушал его разговоры с Нубар, Апро и Антарам. Это больше походит на роман, нежели на действительную историю.

— Это действительная история, — ответил я, — действительная история, ставшая романом. Сюда вошли события, коих я был очевидцем, и события, рассказанные мне другими, кое-что мне пришлось домыслить самому. Я один из героев этой истории, правда, самый незаметный.

— Кто же ты?

— Догадайся.

— Неужели Норайр?

— Вот видишь, как все просто. Я Норайр, сын Апро и Антарам, а также кандидат исторических наук, твой друг Норайр Торосян. Наапет был моим дядей...

— Что же произошло дальше?

— Дальше было так. Я уехал в Ереван учиться и с тех пор уже редко виделся с Наапетом и его семьей. Но я любил приезжать к ним. Каждый раз село на склоне Арагаца поражало меня — перед домами росли яблони, все село утопало в садах, на улицах проворными стайками сновали детишки, появилось много новых людей. Я каждый раз с трудом узнавал Жирайра и Цовинар — так быстро они росли. Только Нубар не менялась. Каждый раз, приезжая в село, я видел ту же стремительность, ту же осанку, те же сияющие глаза и прекрасный лоб, ту же теплую улыбку. Цовинар была Нубар в миниатюре, а Жирайр с годами делался похожим на мою мать и на меня.

— Антарамовская порода, — говорила про него тетушка Нубар.

Я навещал дядюшку Наапета раз в три года, родители мои — каждый год. Эти встречи были настоящим праздником для всех нас.

Ведь мы все были из того далекого края, где родилась песня, ты знаешь ее:

Наша мельница мелет, мелет,
Ты как зернышко граната,
Как увижу тебя —
Праздник лучший для меня.

Старел только мой дядя. Он сгорбился, спина его была подобна спине верблюда, который весь свой век таскал грузы, по лицу его пролегли глубокие морщины, а усы, брови и спадающие на лоб седые волосы пожелтели от табачного дыма, он по-прежнему курил непрерывно.

Проходили годы. Когда началась война, я работал в публичной библиотеке и писал книгу, не надеясь, что ее когда-либо издадут. Исследование мое называлось: «Сопротивление деревень Арена и Барката провинции Арцке». Материалом для книги служили рассказы живых очевидцев, я записывал их на протяжении многих лет. Я собирался еще раз навестить дядюшку Наапета, кое о чем расспросить его, но не успел. Началась война. Меня тут же призвали в армию. На фрон-

те я получил письмо от Жирайра, он подробно рассказывал обо всех наших родичах. Дядюшка Наапет работал садоводом в колхозе. Война его сломила. «За день ни слова не скажет, — писал Жирайр, — молчаливым стал, нервным, курить стал еще больше. Меня провожал молча, без слов, только в самую последнюю минуту сказал: «Не будь трусом, Жирайр, но себя береги».

Это было первое и последнее письмо от Жирайра. Через несколько дней я потерял все — родных, родную землю и все связи с миром, и вообще потерял всякую возможность получать какие-либо сведения из дома. Я попал в плен. Стоит ли рассказывать, при каких обстоятельствах? Мне самому теперь многое кажется невероятным. Меня перебрасывали из лагеря в лагерь, из страны в страну. В сорок четвертом году я бежал из лагеря и во французском городке Ниме присоединился к группе партизан. Это были французские армяне, с ними я сражался вдали от родины, проливая кровь на чужой земле. Скольких друзей я встретил и скольких потерял. В ноябре сорок пятого года, я, наконец, добрался до дома. Моего отца Апро уже не было в живых. Вместе с матерью моей Антарам мы сидели у его могилы, мать плакала и рассказывала мне о моем любимом отце, о самом первом моем друге.

— Когда пришла твоя похоронная — чтобы высохла рука, написавшая ее, — отец твой потерял покой и сон... Апро уходил в горы и пропадал там целыми днями, скрывался от меня, чтобы я не видела, как страдает его душа. Трудно материнскому сердцу вынести горе, но Апро больше моего сник. Когда проносится сильная буря, — дубы падают замертво, а травка низко по земле стелется, потом выпрямляется. Я словно и не жила все эти годы, а вот видишь — выжила. Сердце подсказывало мне: «Потерпи еще немного, Антарам, может быть, неправда все, что в этой черной бумаге написано...»

Целую неделю мать рассказывала об отце и все не могла успокоиться. Потом мы с ней собрались навестить дядюшку Наапета. Я уже знал, что Жирайр жив, лежит в госпитале где-то на Дальнем Востоке.

— Наапет совсем высох, боюсь, не случилось бы с ним чего, — сказала моя мать. И мы поехали.

Дядюшка Наапет обнял меня, прижал мою голову к своей высохшей груди и долго не отпускал.

Потом он заплакал. Страшно было видеть слезы на глазах Наапета, глубокого старика.

— Радуйся, Наапет, что ж ты плачешь, — сказала тетушка Нубар, тоже сильно постаревшая. Волосы у нее были совсем белые, глаза потеряли блеск и ростом она будто меньше стала. Словно это была не Нубар, а ее мать. А рядом стояла настоящая, прежняя Нубар, только более молодая, она держала на руках Цовинар и улыбалась. Но это была сама Цовинар с новорожденной дочкой на руках. Рядом с ней я увидел смуглого худощавого парня в солдатской форме — это был муж Цовинар, внук сасунского Миро, звали его Андраник.

Смех, слезы, крик, причитания — все перемешалось. Наконец мы успокоились, дядюшка Наапет принес письма Жирайра и попросил меня прочитать их

вслух. И я стал читать, а они слушали взволнованно, хотя знали эти письма наизусть от первого до последнего слова. Моя мать и тетушка Нубар то и дело перебивали меня, громко вздыхали.

— Как пишет, как пишет-то складно наш Жирайр, ах, — качала головой моя мать.

— Сынок мой весь в Норайра, — говорила тетушка Нубар и добавляла, — очень он Норайра любил, еще сызмала. Будь трижды благословен мой Норайр, будь благословен Жирайр мой и рука его, написавшая это письмо.

Я кончил читать, и мы сели ужинать. Дядюшка Наапет ничего не ел, только курил. Об отце моем за весь день ни слова не было сказано.

— Что ушло навеки, то не вернется никогда, Антарам, — сказал дядюшка Наапет, обращаясь к моей матери. — Теперь нам нужно подумать о том, чтобы Норайра женить, чтобы дом твой не пустовал и очаг твой не погас... Тридцать два года ему, возраст немалый.

— Подождем, пусть Жирайр вернется, тогда и решим все, — спокойно, деловым тоном, сказала моя мать. Но через секунду не выдержала, поднесла платок к глазам, заплакала горько. И мы все почувствовали в наших душах огромную пустоту. Не было рядом всегда веселого, жизнерадостного, всех утешающего Апро, моего дорогого отца.

— Не выдержало твое сердце, мой брат Апро, — тяжело вздохнув, сказал дядюшка Наапет. — Других всю жизнь подбадривал, выручал всех, себя только не уберег... Пошли на улицу, Норайр.

Мы долго брели с дядюшкой Наапетом, под нашими ногами шуршала опавшая листва. Потом мы присели у стены сада, возведенной двадцать два года назад. С Арагаца дул холодный ветер, но здесь, за стеной, мы его не чувствовали, а только слышали.

Мы поднялись и не спеша направились в сторону колхозных садов. Дядюшка Наапет говорил о том, о сем, старался отвлечь меня от грустных мыслей, но я видел, что и сам он не может освободиться от тяжелого чувства утраты. За селом в низине начинались сады, яблоневые и абрикосовые. Красно-серые листья яблонь и коричневатые листья абрикосов покрывали землю, вдали виднелись вершины Арарата и горная цепь Армянского Тавра, воздух был прозрачен, чувствовалось дыхание зимы. Иногда дядюшка Наапет останавливался возле какого-нибудь дерева, подзывал меня и говорил:

— Видишь? Артаметский сорт, из тех самых семечек вырос, что дал мне крестный Акоп... Жирайру и Цовинар три года было, когда я привил эти деревья... А тот вон сорт желтый, пахучий, а этот — зимний, с ветки снимешь — целый год живет.

— А как поживает Язычник Нхо? — спросил я.

— Умер он, — со вздохом ответил дядюшка Наапет. — А старший сын его погиб на войне, Мартиросом звали, не помнишь? Жирайр и Цовинар родились в один день с дочкой Мартироса, Мартирос свою дочку Шушик назвал. Теперь Шушик наша невестка, Жирайра поджидает вместе с нами... А младший сын Нхо вернулся,

только на войну он пошел на двух ногах, а возвратился с одной. Бедная Варсо, сколько несчастий сразу...

А мне уже не терпелось узнать, что стало с председателем Гукасом и Ячейкой-Арутюном, и дядюшка Наапет, словно почувствовав это, стал рассказывать: Гукас и сейчас председатель колхоза, пятнадцать лет на одном посту...

— Обоих сыновей на войне потерял...

— Ячейка-Арутюн стал председателем райисполкома.

— Тоже много горя перенес, — покачал головой Наапет, — и первая и вторая жена — обе померли. Дочь замуж вышла, один теперь живет. Чин у него, правда, большой, но только все равно ведь дома один-одинешенек сидит в четырех стенах. Хуже нет остаться одному, жалко его...

Нам уже пора было домой.

— Вечером пожалуйте к нам, кум Наапет, — пригласил Вреж.

— Спасибо, зайдем, — ответил дядюшка.

Издали, запыхавшись, со всех ног бежала к нам Цовинар. Лицо ее раскраснелось, она улыбалась, видно было — случилось что-то радостное.

— Телеграмма от Жирайра, отец, Жирайр домой едет, — кричала Цовинар.

Дядюшка Наапет вздохнул облегченно.

— Наконец-то! Подойди, доченька, дай поцелую твои веселые глазки, твою умную головку.

Он расцеловал Цовинар и попросил:

— Прочти телеграмму.

«Здоров, скоро буду дома, обнимаю вас всех».

— Что там сказано? — дядюшка по-русски не понимал.

Я перевел. Дядюшка Наапет погладил усы, взял в руки телеграмму и долго с интересом рассматривал ее. Потом сложил и спрятал в карман.

— Кум Вреж, ты сейчас пойдешь с нами. Поздравишь свою куму Нубар и сестру мою Антарам, а ты, доченька, беги домой, скажи, что мы идем...

По дороге он достал телеграмму из кармана, протянул мне и попросил:

— Прочти-ка еще раз, Норайр, хочу все слова хорошенько запомнить...

И стал повторять за мной, — здоров, скоро буду дома, обнимаю вас всех... Молодец, Жирайр, и ты, Норайр, молодец. Дай бог здоровья тому, кто написал эту телеграмму и тому, кто прочитал ее.

Дома уже было полно соседей, все село сбежалось поздравлять Наапета и его семью, женщины плакали, утирая подолом слезы, молодые громко переговаривались, смеялись, а старики благословляли бога, сохранившего Жирайру жизнь. Нубар и Антарам, усадив между собой на тахте Шушик, внучку Язычника Нхо, обнимали ее, целовали без конца.

— Улыбнулось тебе счастье, невестушка, красавица наша.

С шумом входили в дом девушки, подруги Шушик, обнимали ее, что-то шептали, смеялись, потом чинно подходили к старшим, поздравляли их со счастливой вестью.

— Жирайр не к вам одним едет, золотые мои кумовья, — говорила Шальная

Варсо.— Мой дорогой зять, он как электрическая лампочка — всем светло станет, когда он будет здесь... Ах, что с вами говорить, был бы жив мой хозяин, Язычник Нхо, он бы вам показал, как надо веселиться, вы разве умеете? Ну-ка девушки-невесты, сейчас всех вас за косы оттаскаю, вы что голос свой бережете, а ну, спойте-ка песню!..

До позднего вечера приходили односельчане поздравлять Наапета и его семью.

Пришел председатель колхоза Гукас. За эти годы он заметно постарел и осунулся, но взгляд его, как и прежде, был озорным и лукавым. Гукас приволок с собой молодого барашка — чтобы отметить приезд Жирайра. Увидев старика Аво, Гукас вдруг громко расхохотался.

— Ну что, дядюшка Аво, небось, сгноил в земле маузер. А может, сдашь его все-таки?

— Я сказал тебе тридцать лет назад, что нет? Сказал. Значит и теперь обязан говорить «нет», — ответил хнусец Аво.

И все засмеялись, захлопали в ладоши, зацокали языком, восхищенные находчивостью старика Аво.

— Эх, и крепок же ты, Аво... Прямо кремень!

— Да что там кремень! Кремень расколоть можно, а нашего Аво попробуй!..

Когда все разошлись, дядюшка Наапет в третий раз достал телеграмму и протянул мне.

— Норайр, прочти еще раз и скажи мне, откуда телеграмма пришла и число на ней какое.

— Число сегодняшнее, а послана из Красноводска...

— Красноводск. А где он, этот город, близко или далеко отсюда?

— Этот город на берегу Каспийского моря, Жирайр приедет на пароходе в Баку, а из Баку поездом сюда...

— Сколько дней ему ехать?

— Три, от силы четыре дня.

— Да ну? Правду говоришь? Уста твои да будут святы, Норайр.

И, заботливо разгладив бумагу, сложил телеграмму и снова спрятал в карман.

Через три дня Жирайр приехал. Село встречало его, превратившись в одно огромное объятие — старики и молодые, женщины и дети бросались ему на шею, плакали от радости, и он, выпростав из-под шинели правую руку, крепко обнимал всех и целовал.

Я в первую же минуту понял, почему у него шинель не надета, а накинута на плечи — левой руки у него не было, но он не писал об этом домой, скрывал от родителей. Писал, что выздоравливает, правда, лечение затянулось, но все идет хорошо, рана заживает. И хотя сам я только вернулся с войны и всего навидался — я все же был потрясен этой жестокой новостью, мне казалось, что у Жирайра, этого двадцатидвухлетнего красавца, не должно было быть никаких изъянов. Дядюшка Наапет и тетушка Нубар позже всех заметили, что у Жирайра нет левой руки. Нубар, как увидела, потеряла сознание, а Наапет заметался около нее, брызгал ей в лицо водой и повторял растерянно:

— Нубар, очнись, Нубар...

Нубар открыла глаза — Наапет стоял перед ней на коленях, рядом Жирайр и Цовинар.

— Мама, ведь я не умер, я живой, я вернулся, разве ты не рада?..

Варсо то сердилась, то вдруг принималась смеяться.

— Нубар, не огорчай моего зятя, а то мы заберем его к себе в дом, а тебя и не пустим. А что же про нас тогда говорить, про меня и про мою внучку, ведь мы давно все знаем, письмо за пазухой сколько времени таскаю, втихомолку от тебя плакали, Нубар, тоже ведь не каменные...

— Давай лучше выйдем на улицу, мама, там народ собрался, все поздравить тебя хотят.

И, обняв мать правой рукой, Жирайр вывел ее из комнаты. Во дворе был накрыт стол, на нем вино и хлеб.

— Поздравляем, дядюшка Наапет...

— Поздравляем, тетушка Нубар.

— Наапет... Нубар...

Нубар и Наапет, взволнованные, смотрели на людей. А люди смотрели на Жирайра — в свои двадцать два года он выглядел тридцатилетним, многое испытавшим, закаленным человеком.

В тот же вечер мы собрались всей семьей и решили через месяц сыграть свадьбу Жирайра и Шушик. Дядюшка Наапет был за то, чтобы привести невестку в дом без свадебного пиршества — народ в трауре, да и у самих горе — года не прошло после смерти Апро...

Пришел старик Мовсес —он совсем высох от старости, голова его еле держалась на плечах, глаза стали тусклые, веки потемнели.

— Так жизнь устроена, кум Наапет, — то поминки, то свадьба, на все божья воля, — сказал он и голос у него был старческий-старческий, еле слышный. — Царство небесное нашему Апро. Апро любил веселье. Давайте такую свадьбу закатим, чтобы шум ее дошел до Апро, чтобы порадовалась его душа на том свете.

— Правду говорит кум Мовсес, — согласилась моя мать, — пусть Апро услышит свадебную песню и узнает, что дети наши живы-здоровы и вернулись с войны.

— Пусть будет по-вашему, —согласился дядюшка Наапет, —верно, что Апро веселье любил.

Свадьбу сыграли по всем правилам, вспомнили все свадебные обряды Сасуна и Артамета. Моя мать веселилась со всеми вместе, заставляла всех танцевать, то и дело подбегала к пляшущим и дарила им деньги на счастье. Но на другой день после свадьбы, когда все разошлись и мы, усталые, легли, наконец, спать, она натянула на голову одеяло и долго плакала, думая, что я не слышу...

Дядюшка Наапет посадил в своем саду две яблони в честь молодоженов, и еще две яблони — на другом конце села, где в тот же день родились два мальчика.

— Говорят, что после войн и погромов много мальчиков рождается, — сказал он, ни к кому не обращаясь, и добавил: — И хорошо, что так, и слава богу, так и должно быть.

Он сам выкопал ямки для саженцев, сам полил их в первый день и, еще раз поздравив родителей, возвратился домой, довольный собой и людьми.

После свадьбы Наапет неожиданно слег. Мы все перепугались.

— Что с тобой случилось, Наапет? — с тревогой спрашивала Нубар.

— Вот горе, вот напасть! — убивалась моя мать. — Что с тобой, мой братец-ага?

— Не знаю, — слабым голосом отвечал дядюшка Наапет, — может, сверх меры радовались, господь разгневался... Когда убивают нас — он не сердится, а за радость расплачиваться велит.

Мы с Жирайром решили пригласить врача.

Врач осмотрел Наапета и велел тут же везти в больницу.

Моя мать и тетушка Нубар от горя себе места не находили. Варсо сердилась на них.

— Хватит вам, с моим кумом ничего не случится! — кричала она.

12

...Целую неделю мы были в страшной тревоге. Дядюшке Наапету было под восемьдесят, но мы и представить не могли, что он может умереть. Жирайр все время проводил в больнице. Он садился у кровати отца, гладил его руки, отводил со лба пожелтевшие от табачного дыма волосы.

— Не бойся, Жирайр, сыночек, — шептал Наапет.

— Я не боюсь, отец, — отвечал Жирайр, — но я прошу тебя, не кури так много... Врач говорит, что легкие у тебя совсем почернели, пожалей ты себя, отец. Нас пожалей...

— Твой отец голову за тебя сложить готов, Жирайр, сыночек мой, — шептал дядюшка Наапет, — Норайр, а ты все дела свои из-за меня бросил, столько времени на меня тратишь...

— Ты о нас не беспокойся, дядюшка, — говорил я, — ты выздоравливай скорее.

— Нет, теперь важна ваша жизнь, я свое уже прожил. Хорошо ли, плохо ли, но прожил, — отвечал он, — хотя не скрою от вас, хочется мне еще немного пожить, счастливыми вас увидеть, деток ваших увидеть. А больше мне ничего и не надо. Вот бы и тебя женить, Норайр, чтобы порадовалась Антарам, чтобы добрая весть об этом вместе со свадебным колокольным звоном долетела до святой души Апро... Побыть бы мне с вами еще годика два. А потом и отправился бы к Апро и рассказал ему обо всех вас...

И дядюшка Наапет действительно стал выздоравливать. Каждый день под вечер мы с Жирайром возвращались в село, чтобы на следующее утро снова появиться в районной больнице у постели дядюшки Наапета. В селе все справлялись

у нас о его здоровье, через нас передавали ему приветы и добрые пожелания. Когда мы сообщали ему об этом, лицо его прояснялось, он оживлялся и говорил:

— Для добрых дел жизни не хватает, а для недобрых ее слишком много. Как же богу распорядиться, чтоб справедливо было?..

Он без конца курил и заходился в кашле, трясся всем телом, задыхаясь... В палате он был один, мы то и дело открывали окна и проветривали комнату, но через минуту опять было нечем дышать.

Лечащий врач, сам заядлый курильщик, сердился, несколько раз отбирал у дядюшки Наапета табак, но потом снова возвращал. Что поделаешь, объяснял он нам: — «Не выдержу, — говорит, — без табака сердце мое замрет», так он меня умоляет, жалко становится, просто не знаю, что с ним делать.

Однажды утром врач встретил нас у входа в больницу.

— Хочу сообщить вам новость — дядюшка Наапет согласился бросить курить!

— Как же это он? — удивились мы с Жирайром.

Пойдемте ко мне в кабинет, расскажу...

Накануне вечером врач долго сидел у постели дядюшки Наапета, слушал его рассказы об артаметских садах, о Ванском море, о сражениях и резне, о подвигах гайдуков. Увлекательно рассказывал Наапет, интересно было его слушать — доктор засиделся у него до полуночи и когда уже собирался уходить, Наапет попросил его задержаться еще на минуту.

— Хочу, чтобы ты мне правду сказал, доктор, буду я еще жить или же помирать время пришло?

— Точно не могу сказать, отец, не знаю...

— Если доктор не знает, то кто же тогда знает?

— Ты сам должен знать, отец, — ответил врач.

— Как это — сам?

— Захочешь — будешь жить, не захочешь — не будешь...

— Ты правду говоришь, доктор?

— Правду. Но почему тебе так хочется жить, ведь тебе уже семьдесят восемь.

— Есть у меня одно заветное желание.

— Какое же у тебя желание, отец? Скажи мне.

— Хочу внуков своих увидеть, потомство свое. Своими глазами хочу увидеть, что род мой продолжается, в счастьи и благоденствии живет. Не много я у тебя прошу, доктор, продли мне жизнь года на два... Два года жизни. Или я не стою этого?

Доктор был взволнован.

— Стоишь, отец, ты стоишь, чтобы еще сто лет прожить...

— Сто — много. Бог за жадность карает. Двух лет хватит. Два года прошу, только два года. Будет восемь раз по десять...

— Хорошо, — сказал доктор, — только уговор у нас с тобой будет.

— Какой уговор? — удивился Наапет.

— А вот какой. Ты хочешь видеть, как род твой продолжается, внуков увидеть хочешь?

— Хочу.

— Очень хочешь?

— Другого желания у меня нет.

— В таком случае ты должен исполнить мое одно-единственное требование. Даешь мне слово, что выполнишь его?

— Уговор есть уговор.

— Тебе нужно бросить курить, отец. Будешь курить — помрешь, бросишь курить — жить будешь...

Дядюшка Наапет подумал некоторое время, потом достал из-под одеяла кисет с табаком и протянул его доктору.

— Клятва есть клятва...

Так дядюшка Наапет бросил курить.

— Норайр, Жирайр, вы пришли? — спросил он, когда мы с Жирайром открыли дверь его палаты, он показался нам удрученным и печальным. — Как там Антарам, Нубар... Цовинар, невестка Шушик? Как мой кум Мовсес? Во сне его сегодня видел.

Мы сказали, что все себя чувствуют хорошо и его возвращения ждут.

— Ну раз ждут, придется возвращаться...

Дядюшку Наапета привезли домой на машине. С недельку он пролежал дома. Он пристрастился к чаю и к долгим, нескончаемым беседам, вспоминал давние времена и события и каждую ночь видел сны, которые пересказывал нам со всеми подробностями...

— В эту ночь, — рассказывал дядюшка Наапет, — мне опять приснился Апро. С ним были Сероб, Айро, мои первенцы Жирайр и Грайр, Геворг, Андраник, Манушак, Мурад, Сосе, Джейран. Звал меня Апро очень, говорил: «Наапет, иди к нам, заждались тебя». Долго просил. Приду, — ответил я, куда же я денусь, но только как мне оставить Нубар и наших детей — Жирайра и Цовинар. Вот и Норайра еще надо женить, Антарам порадовать. Рано еще, Апро, сказал я ему, у меня тут желание одно задумано... Странно все так было: один Апро разговаривал, все остальные молчали...

Однажды вечером дядюшка попросил нас всех присесть около него. Он молча перебирал четки, обдумывал, видимо, с чего начать, и, наконец, заговорил:

— Я собрал вас всех, чтобы поговорить о Норайре. Норайр должен выполнить нашу волю. Норайр не может идти нам наперекор. Как ты думаешь, Антарам? Если Норайр не захочет выполнить просьбу, могу ли я ему приказать? Имею ли право?

— Имеешь, мой достойный братец. Норайр должен тебя послушаться. Он сын Апро, он мой сын, значит, твое слово для него закон.

— А ты как думаешь, Норайр?

— Говори, дорогой дядюшка, любое твое желание будет исполнено, — сказал я.

— Будет исполнено, говоришь?

— Да.

— Я очень хочу и приказываю, чтобы ты женился, Норайр.

— Хорошо, дядюшка.

— Только не очень откладывай, а то помру, и совесть тебя замучает. У меня сроку всего два года...

— Почему два? — спросила моя мать.

— Два года. Такой уговор был. Нубар знает, я ей рассказывал...

Он стал беспокойным, то холодной воды просил, то просил гранат ему принести или яблоко и все сокрушался, что много хлопот нам доставляет.

— Душа моя Нубар, глаза бы мои не видели, как ты мучаешься из-за меня, — говорил он жене, потом снова погружался в воспоминания. — Антарам, ты помнишь наш маленький сад над обрывом? Помнишь, как однажды ветка сломалась и ты упала, а за пазухой у тебя полно яблок было? Хорошо еще, подоспел вовремя. Ты руку подвернула... Вчера ночью все это приснилось мне. Ты была девчонкой, а у меня только-только пробивались усы. Мы еще не знали, как дорога жизнь, не знали, что значит терять ее и находить... У тебя со лба кровь текла, я взял тебя на руки и принес домой. Ты это помнишь, Антарам?

Иногда он подзывал к себе Жирайра и Шушик, сажал их рядом и долго глядел на них.

— Хороша наша невестка, Антарам? — обращался он к моей матери.

— Очень хороша наша невестка, Наапет, — отвечала мать, — умна, послушна...

И Нубар она нравится.

Шушик краснела, смущалась.

— Антарам, а не кажется тебе, что Жирайр похож на нашего Сероба? Ты вглядись хорошенько, увидишь, что так. А помнишь, Антарам, как плакал Сероб в ту ночь, когда вернулся домой после гибели сасунца Геворга?

— Помню, Наапет, как же не помнить такое.

Мы понимали, как трудно было ему не курить. Он курил шестьдесят лет с утра до ночи, курил всегда — во время тяжких испытаний и в дни радостей. И вот теперь он бросил курить, чтобы прожить лишних два года. Он страдал, но не показывал виду. Мы тоже притворялись, что ничего не замечаем. Иногда мы все выходили, чтобы оставить его наедине с тетушкой Нубар. Видно было, что им хочется побыть вдвоем. Потом мы спрашивали тетушку, о чем они говорили.

Тетушка рассказывала:

— Говорит он мне «Нубар, признайся, не обидел ли я когда тебя? Может, я о чем забыл? Может, виноват в чем-то перед тобой... скажи мне, ради бога, чтобы на душе моей греха не осталось». А я ему: «Не говори ты этого, Наапет, ни в чем ты не виноват передо мною, ничего ты не забыл. Даже если в пепел мы с тобой превратимся, все равно сбережем друг для друга искорку, сохраним тепло друг для друга». Он обрадовался и говорит мне: «Спасибо тебе, Нубар, душа у тебя светлая». Чем больше он стареет, тем чудней становится. И мил он мне такой еще больше. Не знаю только, что придумать, так страдает без табака...

— Ничего, успокаивала тетушку моя мать, — раз дал зарок, пусть держится, потом ему легче будет.

Дядюшка Наапет не курил уже две недели. Мы при нем тоже не курили и всех гостей об этом предупреждали. Лишь однажды дядюшке Наапету пришлось вспомнить о табаке. Зашел к нему как-то кум Мовсес, но, не просидев и получаса, придумал какую-то причину и вышел. Дядюшка Наапет улыбнулся: «Не вытерпел кум Мовсес, курить пошел».

Мы переглянулись. А дядюшка Наапет сказал:

— Не пугайтесь, я слова своего не нарушу.

В селе никто не верил, что дядюшка Наапет мог бросить курить. Односельчане гадали и подсчитывали, сколько пудов табаку может выкурить человек за шестьдесят лет, да еще такой курилка-дымарь, как Наапет, которого в свое время сами прозвали Тондир-Наапет.

— Закурит он, не выдержит, — говорил кто-нибудь.

— Не выдержит, — соглашались другие.

— Если воля крепкая — выдержит, — возражал еще кто-нибудь.

Дядюшка Наапет уже вставал, ходил по дому и мы с Жирайром решили вывести его к людям, развлечь его немножко. Завидев нас, один из односельчан, прозванный в селе Злой Эфенди[1] за склочный характер и любовь к турецкому словечку «эфенди», похвалился перед своими собеседниками, что испытает волю Наапета.

— Стыдно, Эфенди, — сказали люди, — не делай этого.

Но Злой Эфенди заявил, что нет такой воли, которая помогла бы курящему бросить курение, и сейчас все это увидят.

Мы подошли и поздоровались. Нам почтительно ответили, несколько человек сразу спросили дядюшку Наапета, как он себя чувствует.

— Было бы вам хорошо, — отвечал мой дядюшка, — вы молодые, вы нужнее на этой земле, берегите себя...

Злой Эфенди подошел поближе, поздоровался с дядюшкой Наапетом за руку и начал расспрашивать о его здоровье. Он говорил уважительно и всячески старался показать, что он, Эфенди. почитает и любит Наапета больше, чем другие. Потом уселся рядом с дядюшкой и достал коробку с табаком. Дядюшка Наапет почувствовал наше волнение.

Он насмешливо покосился на нас и протянул руку к коробке.

— Можно, Смбат?

Злой Эфенди подал коробку дядюшке Наапету.

— Еще бы, еще бы, неужели я для тебя табака пожалею!

Дядюшка Наапет взял коробку, понюхал табак и тихо, почти шепотом сказал:

— Почтенный уджанский желтый табак.

Потом медленно, не спеша скрутил папиросу. Красивая получилась папироса.

---

[1]Эфенди — господин (турец.).

Все мы, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. Дядюшка Наапет поглядел на свернутую им папиросу и с улыбкой протянул ее Злому Эфенди.

— Закуривай, Эфенди, это я для тебя старался, — сказал дядюшка Наапет и добавил, — нехорошо, Смбат, что сердце у тебя такое злое...

Злой Эфенди растерялся. Все вздохнули с облегчением, а один из присутствующих — сын хнусца Аво, двинулся с кулаками на Злого Эфенди.

— А ну, убирайся отсюда, живо!..

И Злой Эфенди молча покинул нас, посрамленный.

После этого случая дядюшка Наапет стал выходить в село, он подсаживался к односельчанам, и если кто-нибудь доставал коробку с табаком, с удовольствием нюхал табак, потом сворачивал папиросу и предлагал хозяину:

— Милости прошу, кури, сынок...

Когда у дядюшки Наапета спрашивали, как же он смог бросить курить, он неизменно отвечал:

— Такой уговор был...

ЭПИЛОГ

...Мгла полностью закрыла ущелье и горы, когда мы добрели до гостиницы. Мы опьянели от горного воздуха, устали от долгой ходьбы и, едва добравшись до своих постелей, рухнули и долго лежали молча.

— Знаешь, Норайр, — заговорил мой товарищ, — люди, о которых ты мне рассказывал, их мир, их обычаи, речь мне незнакомы. Я все время жил в Баку, там и родился, я почти ничего не знал о беженцах из Западной Армении. И твой рассказ меня взволновал, он ведь не кончился, доскажи его, мне не терпится узнать, что стало со всеми этими людьми?..

...Я вернулся в Ереван. Поступил на работу в университет, перевез к себе мать и вскоре женился. Все это произошло в течение одного года. Весной мы втроем поехали навестить дядюшку Наапета. Моя жена понравилась дядюшке Наапету, и он спросил, как ее зовут.

— Гаянэ, — ответила она.

— Хорошее имя, имя святой девы, — довольно улыбаясь, сказал дядюшка Наапет и обратился к моей матери, — поздравляю тебя, Антарам, и себя поздравляю, и эта невестка у нас хорошая...

— Я своей невесткой довольна, — ответила мать, — а уж как мой сын ее любит...

— У Норайра чуткое сердце, оно не могло ошибиться, — сказал дядюшка.

— И мое сердце не ошиблось — сказала моя жена.

Дядюшка Наапет и тетушка Нубар удивленно посмотрели на нее:

— Моя невестушка Гаянэ, видать, храбрая...

— И хорошо, что так, — добавила тетушка Нубар.

Мы пробыли в селе несколько дней. Вместе с Жирайром и Шушик гуляли в яблоневых садах, уходили к скалам. Гаянэ нравилось здесь, всем было хорошо, и мы тянули с отъездом.

В это время Жирайр уже был секретарем райкома комсомола. Он был не по возрасту серьезен, говорил мало, но в глазах его всегда светилась улыбка. Он очень любил отца и беспокоился о его здоровье. Каждый день, возвращаясь с работы, он спрашивал:

— Ну как ты сегодня, отец, как себя чувствуешь?

— Хорошо, Жирайр. Хорошо, — отвечал дядюшка Наапет, — ты обо мне не думай, у тебя своих забот полно...

Если дядюшке Наапету нужно было какое-нибудь лекарство, Жирайр тут же мчался в районную аптеку, а если там его не оказывалось, на попутных машинах добирался до Еревана и возвращался в тот же день.

— Вот твое лекарство, отец...

— Будь ты любим и почитаем всеми людьми, мой драгоценный сын, — взволнованно говорил дядюшка Наапет. — Жирайр весь в мать, — говорил он нам, — очень на нее похож.

Провожая нас в обратный путь, дядюшка Наапет поцеловал меня и Гаянэ и благословил нас.

— Дойдет счастливая весточка до Апро, возрадуется его душа...

Мы вернулись в Ереван. В суматохе столичной жизни, в работе, заботах и мечтах проносились дни, недели, месяцы. Только мать моя не могла усидеть в городе, тосковала.

— Норайр, Гаянэ, как думаете, не съездить ли мне к нашим? — говорила она частенько. — Посмотрю, как они там живут, что делают.

И уезжала. Возвращалась через неделю-две, оживленная, с ворохом новостей.

— У Шушик, мне кажется, будет двойня. Цовинар родила девочку. Жирайр партийным руководителем стал... Кум Мовсес болеет. Наапету хороший сон приснился, про тебя и Гаянэ — будто у вас родился сын... Нубар говорит, сны у Наапета вещие, жди внука, Антарам...

Через месяц примерно она снова отправлялась к брату, чтобы вернуться через недельку и сообщить:

— Норайр, сыночек, Наапет нас ждет не дождется...

Но однажды мать несколько месяцев не выезжала из города, узнав, что Гаянэ ждет ребенка.

— Я невестушку свою одну не оставлю, — сказала она. — Напишите в село, пусть Наапет обрадуется...

Всю зиму мы писали по ее просьбе письма нашим родным в село. Иногда приезжал Жирайр — он теперь работал в райкоме партии и был всегда занят, всегда

торопился. Но моя мать, как бы они ни спешили, усаживала его рядом и требовала полного отчета — как Наапет, Нубар как, Цовинар, дети, кум Мовсес как себя чувствует, как Варсо... И Жирайр рассказывал ей обо всех подробно и обстоятельно, доставляя ей этим величайшую радость.

Весною из села пришла телеграмма — Шушик родила сына. А через несколько дней я отвез Гаянэ в больницу. У нас родилась дочь. Только Гаянэ вернулась из больницы, позвонил Жирайр и сообщил, что дядюшка Наапет приглашает всех нас на именины внука.

Всей семьей мы покатили на машине в деревню. Дядюшку Наапета мы застали больным, лежащим в постели. Мы подошли, склонились над ним, и он поцеловал в голову меня и Гаянэ.

— Я рад, Норайр, что девочка у вас родилась. В свой черед и мальчика заимеете...

Нашу дочку и сына Жирайра положили рядом. Они оказались очень похожи.

— Как будто близнецы, — говорила тетушка Нубар, целуя то Гаянэ, то Шушик. Сына Жирайра назвали Наапет, мою дочь — Антарам. Так предложил Жирайр.

— А разве хорошее имя — Наапет? — с сомнением спросил дядюшка.

— Это самое лучшее имя, отец, — ответил Жирайр.

Голос дядюшки Наапета дрогнул, в глазах блеснули слезы:

— Вот и сбылось мое желание. Ничего мне больше в этой жизни не надо, отправлюсь теперь к Апро, расскажу ему про вас...

— Отец, о чем это ты говоришь, отец, — взмолился Жирайр.

Дядюшка Наапет отчужденно улыбнулся.

— Не надо бояться. То, о чем я говорю, естественно, это закон природы. Скажи, чтобы все пришли, позови всех, Жирайр.

Мы все подошли к постели дядюшки Наапета.

— Вот мой наказ, — продолжал он, — и вы исполните его, если вам дорога память обо мне. Прошу, чтобы никто не плакал, когда я умру... Я отойду тихо, как свечка догорает... А сейчас зажгите свет, я хочу вас видеть.

Зажгли свет.

— Вот теперь хорошо, теперь всех вижу...

Весть о том, что Наапет умирает, уже разнеслась по всему селу. У его дома стал собираться народ. Люди переговаривались приглушенными голосами. Время от времени кто-нибудь заходил в комнату, прислушивался к словам умирающего и спешил снова на улицу сообщить другим то, что услышал.

— Пусть подойдут ко мне невестки и Цовинар, — попросил дядюшка Наапет.

Цовинар, Шушик и Гаянэ приблизились к его изголовью.

По очереди он клал руку им на голову и называл по имени.

— Это Цовинар, это Шушик, это Гаянэ... Желаю, чтобы вы цвели-расцветали, чтобы плодоносили сладко и щедро. Чтоб были, как яблони, у солнца брали тепло, у земли — ее соки... Чтобы никогда не высохли ваши корни... Чтобы не прекращался наш род, аминь...

Потом он позвал меня и Жирайра. Опустившись на колени перед его кроватью, мы глядели ему в глаза.

— Что пожелать вам? — с трудом выговорил он, — хочу, чтобы вы и ваши дети не знали войн и резни, чтоб жили дружно, чтоб жизнь была для вас благоухающим садом, чтоб любовь и согласие не покидали ваши сердца. И еще хочу, чтобы вы увидели край ваших отцов и матерей, увидели Ванское море, Сипан-гору, наш Арцке, наш Артамет...

При этих словах мать моя не удержалась от вздоха. Под конец дядюшка Наапет подозвал к себе ее и тетушку Нубар.

— Нубар, — угасающим голосом проговорил он, — прости меня, Нубар, что я должен тебя покинуть. Ты не останешься одна. За все тебе спасибо, Нубар. Я был иссохшим деревом, а ты, как теплый дождь и вешнее солнце, ты дала мне жизнь, и ветви мои зацвели... Спасибо тебе... Мое потомство и все что есть у меня, я передаю тебе, Нубар. Поэтому душа моя спокойна. Прощай, Нубар. И ты прощай, сестра моя Антарам, цветочек мой полевой... Я передам Апро привет от всех вас, от тебя, Антарам и от Нубар, от Норайра и Жирайра, от Цовинар и невесток наших, от маленького Наапета и маленькой Антарам и скажу — не грусти Апро, наш род не погиб — живет он и будет жить...

Не помню, чтобы дядюшка Наапет когда-либо обращался к родным с такими торжественными словами...

Он был удивительно спокоен, с ясным сознанием и ясной памятью. Я не представлял себе, что человек может так умирать... Попрощавшись со всеми, он закрыл глаза и еле слышно произнес какие-то слова... Мы их не разобрали и переглядывались растерянно. Тетушка Нубар вышла и тут же вернулась с красными яблоками в платке. Только она поняла, чего хотел умирающий.

Яблоки положили по обе стороны его лица, на подушку. Дядюшка Наапет медленно приоткрыл глаза, улыбнулся и сказал внятно:

— Я чувствую запах родного края...

То были его последние слова. С выражением блаженства на лице он сомкнул веки.

В комнате было тихо. И вдруг кто-то зарыдал.

Жирайр обернулся и взглядом упрекнул нарушившего предсмертную волю отца. Открыли окна. На дворе была весна. Дыханье цветущих яблонь ворвалось в комнату.

Гроб с телом дядюшки Наапета установили в саду, под яблонями, которые он когда-то посадил. Цветущие ветви склонились к его лицу.

Народу становилось все больше и больше. Старики стояли возле гроба, понурив головы. Юноши, девушки и дети подходили с ветками цветущих яблонь в руках.

Это были ветки тех яблонь, которые в честь их рождения посадил дядюшка Наапет.

Жирайр и Шушик, Цовинар и Андраник стояли у изголовья отца. Шушик и Цовинар взяли на руки детей. Проститься с Наапетом пришло множество народу

и у всех — у взрослых и у ребятишек, даже у самых маленьких, что еще за подол матери держались, — у всех в руках были цветущие яблоневые ветки.

Артаметский садовод Наапет всем односельчанам был как бы крестным отцом.

— Дай бог каждому из нас прожить и умереть так, — прерывающимся голосом сказал столетний Мовсес.

— Ты счастлив был, творил добро, Наапет, — добавил сасунский Миро.

— Все, что у него было, — сказал Мовсес, — он оставил людям на земле. В небо унес одну свою чистую, праведную душу...

День был ясный. С неба на землю струились тепло и свет. Процессия тянулась от дома Наапета к кладбищу. И казалось, что движется огромный цветущий сад, который заполнит собою весь мир.

РАЧИЯ КОЧАР

НААПЕТ

Повесть
Для старшего школьного возраста
Издательство «Аревик»
Ереван, 1988

Редактор **Е. С. Атанесова**
Художник **Р. Бабаян**
Худ. редактор **С. Г. Сафян**
Техн. редактор **А. В. Оганесян**
Контр. корректор **М. Ц. Хачатрян**

ИБ № 140

Сдано в набор 20.02.88. Подписано к печати 30.09.88 г. Формат $84\times100^1/^{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,36. Усл.кр-отт .37,44 Уч.изд.л. 8,6. Тираж 100 000 (1-ый завод 1 — 50000). Заказ 695. Цена 95 коп.

Издательство «Аревик», Ереван-9, ул. Теряна 91. ТИПОГРАФИЯ ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ереван — 82, пр. Адмирала Исакова, 48.

аймс».
Цена

СР по

95 коп.